

Денисенко Кристина

Весенней осенью из лета

Донецк
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОУЛИДЖ»
ДОНЕЦКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
2012

УДК 82-14
ББК 84(4Укр=Рус)
Д 33

Денисенко К.В.
Д 33 **Весенней осенью из лета:** поэзия и проза /
К.В. Денисенко – Донецк: Изд-во «Ноулидж»
(Донецкое отделение), 2012. – 114 с.

ISBN 978-617-579-526-2

УДК 82-14
ББК 84(4Укр=Рус)

ISBN 978-617-579-526-2

© Кристина Денисенко, 2012
© Изд-во «Ноулидж», 2012

Весенней осенью из лета

© Денисенко Кристина, 2012

Приветствую!

А знаете ли Вы, в чем прелесть работы оператора компании «Новая Почта»?

– В полном отсутствии личной жизни.

А что же в этом хорошего, спросите Вы.

– Не догадываетесь? О личной жизни приходится лишь мечтать! А любые мечты прекрасны! Даже если с 9.00 понедельника по 15.00 субботы чувствуешь себя рабой, и лишь в воскресенье – повелительницей своей судьбы.

А знаете, кем я себя чувствую ночью?

– Влюбленной семнадцатилетней девушкой! И я счастлива, не смотря ни на что!

ПРОСЬБА К ЗИМЕ

В перламутр и блеск одета,
балерина, птицей в синь
крылья снежного рассвета
зимней сказкой ты раскинь.

Пусть метель сапфиров россыпь
бросит горсткой незначай,
и сиреневые розы
зацветут как в месяц май.

Подари роскошный иней
волосам плакучих ив,
чтобы в сказочной картине
завучал хмельной мотив.

И мелодией летящей
разбуди любовь в сердцах,
детям счастье в настоящем
чтоб принес волшебный птах,

сказку перышком воздушным,
невесомым, но таким
чтобы в новый год игрушка
была малым и большим!

КОФЕ, ЗЕРКАЛО, СВЕЧА

Звезды лотосом из позолоты свеч
в черноте кофейных точек спичкой
подожду, и отраженье новых встреч
в зазеркалье постучится птичкой.

Зерна кофе разбросаю по столу
в жгучей атмосфере утверждений,
что с тобою перейти я не смогу
постоянством в мир несовпадений.

Силуэтом незнакомым чья-то тень
бросит взгляд во тьме на зерна кофе,
и случайная закономерность в дверь...
снегом белым обожжет при вздохе.

ЗИМОВА КАЗКА ВЕСНИ

Наприкінці безжалісного грудня
казковим дивом приголомшив сад:
скидає перли абрикос квітучий,
хоча ялинка – королева свят.

Немов з весною зиму переплутав,
сріблястий парк красою заблищав
квітучих ароматів в сніжнім хутрі,
танцюючих вогнями в світлі чар.

Перлинами сніжинки на долоні
яскраво сяяли, а пелюстки,
як сніг, холодний вітер мимоволі
пускав під ноги згадкою весни.

КОРАБЛИКОМ ИЗ ЗВЕЗД

Над этим городом такие же огни
из сочетания серебряных галактик,
и лунный свет волнующей любви
рисует мой дрейфующий кораблик.

Плыви, в потоках золотых ночей
попутным ветром вдаль гонимый,
сквозь бурелом чужих страстей
с пьянящей сладостью малины.

К нему... холодным светом серебра,
рисующим мой образ в одночасье,
плыви, кораблик, легкостью пера
рисуя в звездном небе счастье.

Лишь для того, кто смотрит на луну,
осознавая неземное притяженье
к чужому свету, падая во тьму,
чтоб испытать запрета впечатленья.

Тебе, мой сон, в охапках огоньки
брошаю звездным фейерверком в небо,
плыви, кораблик преданной любви,
и расскажи, о том что не успела

поведать сердцу сказочной мечты,
в красивой оболочке совершенства,
но не смогла под гнетом правоты
не испытать тепла его блаженства.

ТАИНСТВЕННОМУ ПОКЛОННИКУ

Букет восточной гаммой альстромерий,
ирисов, желтых хризантем и роз,
в сознание волною несравненной
интригу с восхищением принес.

Кто вы такой, таинственный поклонник?
Откуда столько неподдельных чувств?
Уж не под лозунгом ли "Дам угодник"
вы совершаете по списку ряд безумств?

К чужим замкам отмычек связку
не носите ль под балахоном невзначай,
а может жизни окольцованную сказку
вам нравится предательством смещать?

Ваш образ обаятельный и смелый,
но не готова вызов я бросать судьбе,
и аккомпанементом неумелым
звучать одной струной в кромешной тьме.

И запах ли цветов ванильной дымкой
усладой действует на истощенный мозг
или внимание мужчины-невидимки,
чей образ безупречен и непрост?

Спасибо за цветов восточный аромат,
и за стихи, что в глянцевои конверте...
Но наши души, не преодолев преград,
так и останутся рисунком на мольберте.

НЕЗАЧЕМ, НЕКОМУ, НЕ С КЕМ...

Черные тени сомнительной жертвы,
разум смутившей навязчивым "надо",
женщине маску на голые нервы
вбили гвоздями, разящими ядом.

Руки, привыкшие делать ошибки,
куклой жестоко с конвейера в массы
бросили будто бы в ящик открытку
с надписью черным по белому "мясо".

Незачем, некому, не с кем о боли...
Гвозди от слез почернели, но "надо"
маску сорвать, и сойти с той дороги,
где норвят всем навязывать взгляды.

НЕВЕТРЯНЫЙ СОВЕТ

Мне тишина писала акварелью ночи
на ледяных магнитах тонкого стекла
те откровения из ряда многоточий,
что разгадать своим упорством я смогла:

«Любовь, как мудрость, вдохновение и сила,
Предназначение, загадка и ответ...»
– А есть ли Женщина, что сердцем не любила,
и над которой здравый разум брал бы верх?

Тут ветер тихим криком взбудоражил полночь,
чужие пальцы заскользили по стеклу:
«Люби ты сердцем и душой, кого захочешь,
но тело лучше бы оставить одному».

МНЕ РАЗУМ НЕ ВЕЛИТ ВЛЮБЛЯТЬСЯ

Мне разум не велит влюбляться,
а в душу так и просится чужой –
фальшивый образ... Одежльце
огнем согреет как его рукой.

Растает кубик льда в бокале –
желание пойти наперекор...
Но муж законный обнимает,
скрывая мысли, как бумажник, вор.

Я холодна? Нет, я как печка...
Во мне проснулось либидо путан,
но обручальное колечко
не позволяет совершить обман...

И карты я открыть не смею...
И с жаром отвечаю на призыв...
Лишь об одном потом жалею,
что вижу не того, глаза открыв.

Меня тот пальцем не касался,
Несмело улыбался невзначай...
Но он любил, сказать боялся...
а я б пошла за ним... Но он не звал.

Памяти Whitney Houston

Снежные хлопья иголками в стекла
бились под голос угасшей звезды,
той что на вечные веки умолкла,
диски оставив, легенды, следы...

Сила вокала навстречу снежинкам
рвалась мелодией вечной любви...
Радостным взглядом певица со снимка
нам улыбалась. И мы бы могли

взвесить те чувства, летящие вихрем –
"Если останусь..." Вдруг стиснуло грудь...
Вместе с последним аккордом не стихнет
"Горько..." и "сладко..." Её не вернуть...

P.S.

«Если я останусь,
То буду только мешать тебе.
Поэтому я уйду. Но я буду думать о тебе
Каждое мгновение своей жизни.
Я всегда буду любить тебя.
Всегда буду любить тебя. Ты – мой любимый.
Горько – сладкие воспоминания –
Вот всё, что я беру с собой...»

(Will Always Love You — Whitney Houston)

СПОСОБ ОБМАНУТЬ ПРИЧИНЫ

Ты ищешь способ обмануть причины,
вину загладить за не данное тепло,
но поздно ... для бездушного мужчины
я оболочка под которой – ничего.

Кричи, миром немых касаясь злостью...
и ни струна не дрогнет от правдивой лжи...
Хоть ядом плюй, я стану в горле костью,
напоминая то, о чем давно забыл.

Покой ты потерял в одно мгновенье...
Горсть мелочи, отягощающей карман...
Ты не ценил... и эхом раздраженье
врывается в меня, а брак трещит по швам.

НЕ ОСТАВЛЮ НАДЕЖДЫ

Не оставлю надежды... не бойся...
и подробности камнем на дно,
как ненужные факты раздолья,
опущу, забывая про все.

Не оставлю возможность вернуться...
я вперед сквозь туман посмотрю,
и свободу подарком на блюде,
как ключи от машины, вручу.

Ни письма, ни звонка... догорают
на ветру запятыми мосты...
ухожу навсегда, и я знаю,
что расставлены точки над «і».

ШИПЫ РУКАМИ СЛЕД НА ТЕЛЕ

Уже не колют розги тело
твоей навязчивой «любви»,
я штормом все, что наболело,
пустила в ход... Останови...

Не удержать волны обиды,
а мне больно, если что,
я как вода о камни, «милый»,
ударюсь с плеском. Но на дно

не опущу холодных мыслей,
не замолчу, и не проси —
лимит доверия превышен,
не отвезет назад такси.

Шипы руками след на теле...
Слезами смыт твой поцелуй...
Вода и ветер — вихри в гнев...
Я не сдаюсь, а ты ревнуй

к столбам и лицам. Надоело...
Ты слабость силой показал
за то, что резко я и смело,
как чайник выпустила пар.

КЕМ БЫ НИ БЫЛА...

Кем бы ни была – неповторима!
Неужели ты не замечал,
что душа на части неделима,
как бы мир порой не омрачал.

Ясным небом улыбалось горе...
Рисовала новый день опять...
Все прекрасно – даже если в споре
ты меня захочешь обвинять...

Брошу вызов, как всегда бросала!
Черно-белый сон сменил цветной!
Без тебя не я начну с начала –
ты начнешь... но только не со мной.

МНЕ БЫ ВОЛШЕБНЫЕ КРАСКИ

Мне бы волшебные краски,
Белый нетронутый лист,
Скрипку... И радуга-счастье
Пела бы нам о любви!

Тихой мелодией — поле,
Звон колокольчиков... И
Чистое небо уронит
Счастье одно на двоих!

Мне бы волшебные краски...

НЕ ЗАПРЕЩАЙ МНЕ ГУБЫ КРАСНЫМ

Не запрещай мне губы красным
"огнем заката" рисовать,
я подчиняться не согласна –
сама привыкла выбирать!

И пусть вульгарно на ресницах
чернеет тушь – я так хочу!
Любви исписана страница –
но мне не больно – я молчу.

Лишь макияж кричит контрастом
и шлейфом стойкий аромат...
надела маску не напрасно –
я холодна как зимний сад.

УТРЕННИЙ МАКИЯЖ

На веки тонкой кисточкой я тени
оттенка цвета утренней зари
легко без четких линий направлений
вмиг нанесла, мечтая о любви.

Чем не прекрасна? Я заката краше!
От глаз ты взгляд не сможешь отвести!
И, на руках неся в поля ромашек,
кричать о чувствах будешь на весь мир!

ПОЦЕЛУИ ПРИ ЗВЕЗДАХ

Самую я сладкую конфетку
блеском ночи с приоткрытых губ
сорвала устами, словно с ветки
аромат черемухи. Вокруг

пели соловьи негромко песни,
королева звездная с вершин,
опускаясь серпантином лестниц,
собирала музыку в кувшин.

Жаром поцелуя губы пахли,
шоколадом горьким, а на вкус
возбуждающим концом спектакля,
восхищением, огнем. И грусть

синей зачарованной богини,
проливающей печаль в окно
волшебством едва заметных линий,
опьяняла красотой, но

трезво я срывала поцелуи
блеском ночи с приоткрытых губ,
прогоня сонную тоску, и
забывая обо всем вокруг.

И огнями звезды нам светили,
позволяя видеть все во тьме:
руки, что в сплетении застыли,
губы карамелью... как во сне.

СЧЕТ

Оплачен счет от министерства скуки
наигранным весельем, и с тоской
я как мочалка впитываю звуки
неосторожных реплик, и людской
холодный приговор порочным взглядом
по венам гонит неумный страх –
остаться в тишине... когда не надо –
вас много...но улыбок на губах
ни прочитать, ни разобрать, ни взвесить...
Спешат часы, а я лечу вперед
сквозь лабиринт из гнева и агрессий
туда, где радость предъявляет счет.

ДАВАЙ ШУМЕТЬ НЕ БУДЕМ

Давай шуметь не будем!
Весной разбужен сад,
и солнце точкой в луже
танцует! На губах
застыли ароматы,
и пальцы не хотят
давать словам срываться.
Эмоции бурлят!
Растаяли невзгоды,
и с чистого листа
дыханьем свободы
рисует мир весна!

ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ СОЗВЕТИЙ

В молчанку мы играли будто дети –
Рябина осыпалась десять зим...
Одиннадцать... И трудно не заметить –
Всё изменилось... Мы поговорим
О поцелуях под открытым небом,
О чистой платонической любви...
И дней четыре тысячи соцветий
Под ноги лягут, если захотим
Пройтись по полю розового счастья
Под бесподобным небом наших встреч,
И сердце, поделенное на части,
От боли и разлуки уберечь.

ВРЕМЯ...

Остановись же, время, на мгновенье,
Позволь украсть свою любовь у суеты,
Пусть в синеве ночной свет озаренья
Дорожкой лунною соединит мосты!

А легкий ветер подтолкнет в объятия,
И волны губкой нерешительность сотрут,
Ненужным элементом станет платье
От колебания сердечных амплитуд!

Остановись же, время, на мгновенье,
И бесконечность не растает поутру...
Один лишь шаг, неверное движенье –
И утонуть в его глазах я не смогу.

РАЗВРАТНИЦА

Превращая из прозы в романтику,
В яркий праздник свой будничнЫй день,
Сексуальной блондинкой избраннику
Приготовлю любовный коктейль.

Жгучей бестией свечи в подсвечниках
Заиграют с желанным огнем, –
Я всего лишь влюбленная женщина,
Мне табу верных жен нипочем.

В приглушенном свечении музыка
Подтолкнет ненавязчиво нас...
С другим связана брачными узами,
Но запрет ИЗМЕНЯТЬ – не указ.

Я развратницей платье короткое
Сброшу вниз, томным взглядом маня –
Ну и пусть я совсем не хорошая...
Он женатый... и замужем я.

ЧАЙ ВДВОЕМ

На память след на чашке перламутром
Застыл с размытым отпечатком губ...
Не на губах...
Не поцелуй...
Не трусость
Не позволяет разорвать мне круг...

Вниз по ступеням от забытых сказок
С волнением
И радостью в душе,
Я ухожу,
Но сердце многократно
Биением напомнит о тебе!

ПРЕДАВАЯ ЛЮБЯ

Ну и пусть я теряю остатки
Целомудрия верной жены,
И на шпильки домашние тапки
Обменяла, не зная цены
Тишине, устоявшейся в доме...
Растревожил мой мир ураган.
Как собака с цепи, я с неволи
Угодила в железный капкан.
И сладки мне коварные пытки
Безудержных желаний, и я,
Не скрывая счастливой улыбки,
Ухожу, предавая любя!

ТЫ НЕ РУГАЙ МЕНЯ, РОДНАЯ

Я не пьяна, еще не утро,
Не босиком пришла домой,
Скажи мне, мама, разве глупо
Мечтать о счастье под луной,

Не замечать движенья стрелок,
Полночным воздухом дышать,
Быть на седьмом от счастья небе
И с ветром в поле танцевать?

Ты не ругай меня, родная,
Что заставляю долго ждать –
Я знаю, мама, ты святая,
Давай же слезы вытирать.

Уже рассвет крадется смелый...
Я взрослой стала, как и ты...
Моя ты мама – ангел белый,
Родник душевной теплоты.

Я ОТПУСКАЮ НАВСЕГДА

Не отвечай, забудь, сотри...
С тобой я навсегда прощаюсь...
По тротуарам мы одним
Как тени ходим, не встречаясь.

У нас отдельные миры,
Маршруты в разных направлениях,
Друзьями быть не можем мы,
А чувства наши – преступленья.

Я отпускаю, как тогда...
Чтоб не поддаться искушенью
И сладких губ не целовать
В порыве страсти с сожаленьем.

Я отпускаю навсегда...

В ПОЛУШАГЕ

Не с тобой... на пахучем ковре
Летних трав разделяю желанье –
Незаметный, но памятный след
Оставлять... от любви в полушаге...
Мотыльками цикория ночь
Не для нас... будто звездное небо
Расстилает... и, кажется что –
Справедливости нет во вселенной.
Не тому... он не той... не рассвет
Открывает глаза... на свиданье
Вновь бегу по засохшей траве,
Но опять остаюсь... в полушаге.

ЛУЧИ НАМ СВЕТЯЩИХ НОЧЕЙ

Откровенна? Открыта? Я – книга?
Напрямик после душа в постель...
Вместе с запахом роз я любила
Брать лучи нам светящих ночей.
На губах загорались закаты,
И от счастья искрились глаза ...
На моменты что «до» мы богаты...
Сколько раз ты меня целовал?!
И грустилось с улыбкой! Мечтала
Пережить еще раз каждый миг,
Но, увы я совсем не такая –
Умолять и вернуться просить...
Я не выдам ни словом, ни взглядом,
Безразличия маску надев...
Но всегда с тобой буду рядом –
Книгой той, что прочесть не сумел.

ЧАРЫ НОЧИ

Я устала от шума и грязи,
Так и просится в поле душа,
Слушать ветер, исполненный таинств
Безответной любви скрипача...
Лечь в пахучие травы густые,
И под небом высоким испить
Чары ночи почти колдовские
Чтоб понять, что нельзя не любить
Безмятежной царицы–вселенной,
И под трели певца–соловья
Не желать быть любимой безмерно
Тем, кто смотрит на ночь из окна.

P.S.

Давай посмотрим на небо вместе!

ПОЦЕЛУЙ СОЛНЦА

Ласковой ночью поддамся соблазну
И ускользну вместе с тенью за шторы,
Чтобы сорвать, как удушливый галстук,
Твой поцелуй ни на что не похожий. –
Жгучий, бесстыдный! Луна, не краснея,
Молча закроет глаза, отвернется...
Небо из синего в цвет карамели
Перетечет... Я целована солнцем!

МОРЯ БРЫЗГИ ☺

Запрещаю думать... Мысли...
Поцелуй, как моря брызги,
Раскаленный остров – сердце...
Как его забыть?
Не дарить эмоций ночью,
Быть собой незваной гостьей,
Тихой о разлуке песней
С ветром говорить...
Собирать ракушки с пляжа
В красоте луны пейзажа,
В одиноком грустном танце
Пыл свой охладить?
Запрещаю думать, мысли,
Поцелуй как моря брызги
Раскаленный остров – сердце
...
Я хочу любить.

ТАНЕЦ С ДОЖДЕМ

Музыкальные капли
в зеркальные лужи
Опустевших бульваров
на фоне зари
Ударялись, и дождь –
дирижер безоружный
Управлял моим сердцем,
и не было сил
Воспротивиться чувствам,
нахлынувшим снова
сквозь летящие с ветром года...
И любовь
с неба льющейся музыкой,
сладкой истомой
повела танцевать...
босиком... под дождем.

НЕ СЛОМАЛАСЬ, НЕ УПАЛА

Отомстила. Как? Спокойно.
Мужу звезды показав!
Нет, не с неба, глупый Гойко! –
Отдала, что ты не брал:
Тела жаркого изгибы,
Поцелуя сочный вкус,
Ритм желания незримый...
Отомстила! И горжусь! –
Не сломалась, не упала...
Ни в депрессию, ни вниз –
Я довольствовалась малым,
А теперь и ты учись!

СОВЕСТЬ

Ну что довольна? – Я сдалась.
Молчу... Ночное небо в клочья...
Мне не грозит желаний власть,
И за любовь не мне бороться...

Ну что довольна? – Пустота...
Молчать невыносимо больно...
Я ненавижу «НИКОГДА»...
Как тяжело, любя, быть твердой.

Ну что довольна, СОВЕСТЬ? А?
Я на луну смотрю волчицей,
Молчу... Тобой обречена
Его теплом не насладиться.

Ну что довольна? – Сколько сил
Я трачу на одно решенье –
Молчать... Ах, совесть, как же жить,
Без риска, страсти и паденья?

РАЗРЕШИТЬ СЕБЕ, ЧТО НЕЛЬЗЯ

Моя совесть как роза колючая,
И шипы запрещают любить...
Временами её будто слушаю –
Но не слышу, о чем говорит.

Моя сдержанность – главное правило,
Но я часто теряю контроль...
Одержима желаньем, как дьяволом,
В твоей пьесе сыграть свою роль.

Моя гордость... Да чтоб её не было!
Не даёт «Я скучаю» сказать...
Я лечила влечение временем,
И училась с собой совладать.

А теперь все труды перечеркнуты,
И старалась я видимо зря...
Ты и я на постели искомканной
Разрешили себе, что нельзя.

ДАЙ ВОЛЮ ПАЛЬЦАМ

Не бей себя по пальцам...
Если хочешь,
Коснись клавиатуры –
напиши...
Нас развела по сторонам не осень...
Не запрещай душе любить ...
Дожди...

Не бей себя по пальцам...
Я устала
От нерешительности,
тишины...
Но вопреки всему –
любить – не слабость,
Тайком от мужа,
втайне от жены...

Дай волю пальцам!
Счастьем на странице
Средь многоточий расцветет опять
Весенний сад...
и эхом повторится
Мотив сердец, которые хотят...

СКАЖИ МНЕ НЕТ

Нерешительно руку к двери...
Постучать?
Или может не стоит?
А из сердца непрошенный крик
Дрожью тихо сжимает ладони.
Что сказать?
Как смотреть ей в глаза,
Правду с них, как с газеты, читая?
Не моя...
И моей никогда
Не была...
И не будешь – я знаю.
Как молчать,
Силу воли в кулак
До царапин на сердце сжимая? –
Как же жить?
Не тебя целовать?
Моя боль ты и радость шальная...
Постучу!
Комом к горлу боязнь...
В ожидании теплого взгляда...
ЕСЛИ СКАЖЕШЬ УЙТИ –
Торопясь
Я ИСЧЕЗНУ...
Любовь – моя кара.

СЕРДЦА ЖЕНСКОГО ЛЮБОВЬ

Как сорняк,
Из сердца нежность
С корнем на морской песок
Я бросала в подвенечном,
Белом платье...
Лепесток
С серебристою росой
Мысли в небо о любви
Уносил,
а ревность в море
Утопала...
Отцвели
Ранней вишней мои грезы...
Не с тобой...
Но хорошо,
Что с поэзией и прозой
Даже ночью мне светло.
Пусть душа разбита в щепки,
Нежность, слабость...
Верность...
Вздор...
Тенью выберусь из клетки,
И коснусь тебя волной:
Пенной, ласковой...
Игривой...
Строчкой трепетных стихов...

Как сорняк, неприхотлива
Сердца женского любовь.

Я ВСЁ ИСПРАВЛЮ!

Я топила ревность в море,
Донельзя терпела боль,
Ощущая недостаток счастья,
Что песком с моих ладоней
Ускользало... И с мечтой
Я была должна расстаться...

Без мучительных сомнений,
Смело душу разорвав,
Половину с ветром отпускала...
И по жизни-карусели
До сих пор моя душа
Ищет то, что потеряла:

Ревность, смытую волнами,
Боль обиды донельзя...
И мечту, что слаще карамели...
Я найду! Я все исправлю!
За один лишь только взгляд...
И в твою любовь поверю.

ДВЕ ДУШИ

Восхищаясь ночью, знаки
Позолотой пьяных звезд
Разгадать смогла, растратив
Свою свежесть... Не спалось.

Отцветала орхидеей
В жемчугах соленых вод...
А любовь, как наважденье,
Была ревностью в висок.

Не меня под синим небом
Обнимает... Почему
Отпустила, ведь хотелось
Быть рабой в его плену?

Не смущали бы оковы,
Я б их с гордостью несла...
И рассвет вином бордовым
Нам на счастье разлила.

Только поздно разгадала
Скрытый смысл в седой ночи –
Две души одним пожаром
Не бывают сожжены.

Я ОСТЫЛА

Я остыла... Охладела...
Уняла протест в душе,
И от мыслей, как из плена,
Убежала в неглиже.

Босиком по тротуарам
Из осколков твердых чувств
Я ходила, я скиталась –
Убивала болью грусть.

Мне кричали грозно тени...
Может, я сошла с ума...
Без тебя жить не умела...
Но я все-таки СМОГЛА!

ВЕРИШЬ, Я УБИЛА ГРУСТЬ

Не с твоих смеялась шуток,
Взбудоражив смехом ночь,
В грязном городе безлунном,
Как моя душа точь-в-точь.

Не ты с похотью во взгляде
Аромат духов ловил,
И с губ сочную помаду
Съел, как спелый апельсин.

Не с тобой крупницы счастья
Собирала с летних луж...
Без тебя смогла смеяться –
Веришь, я убила грусть.

НУ ЧТО ТЫ, СОЛНЦЕ

Ну что ты, солнце, мне не светишь?
Я в темноте схожу с ума.
Устала ждать касаний нежных...
А ты пронзаешь не меня.
Безликий луч твой, словно факел,
Горящий пламенным огнем,
Чужие ночи на кровати
Сжигает в облаке духов...

Ну что ты, солнце, сколько можно?
Мы далеки как день и ночь...
Хватило мига всё испортить,
А исправлять ошибки? Что ж...
Зачем в рассвет просил поверить,
Все краски обещал с небес? –
Чтоб я скучала в подземелье,
А ты в мирах страстей исчез?

За что мне, солнце, наказание? –
За неостывшую любовь?
Как жаль, что сердце по команде
Не унимает грусть и боль.
Иначе бы не тосковала,
Не берегла той встречи след,
Когда несдержанная шалость
Дала возможность повзрослеть.

Ну что ты, солнце...

НЕ ПОМЕШАЛА?

– Не помешала?
– трепет пригвоздил к двери.
(Ну, встань,
и со стола бумаги
Небрежным взмахом
знающей руки
смети,
И я признаюсь...
не словами).
– Я проходила мимо
(как это смешно),
На самом деле не случайно...
(Меня с ума свела,
как поезд с рельс,
любовь.
Я стала просто ненормальной.)
– Скажи уйти,
перешагну порог назад,
(Как гордость,
сломанную силой
Потока чувств)...
Держи!
Мне тяжело дышать,
Когда я становлюсь счастливой.
В твоих объятьях
исполняются мечты!
(Мгновений пара – это сказка!)
Люблю!
И смысла нет скрывать...
Мы не должны
Мешать своей любви остаться.

НЕ...

Не поцелую, не приду, и не надейся,
Что я безвольна, бесхарактерна, слаба.
Не прикоснусь, и не подумаю, зачем я,
Наперекор всему, сама себе лгала.

Не буду голову ломать, не буду верить,
Сожгу дотла, как мусор, мысли о тебе.
Не приползу назад, не встану на колени,
Не буду сучкой на коротком поводке.

Не разучусь любить, и плакать, и смеяться,
Не стану стервой с нарисованным лицом.
Я буду дальше жить, и верить, что для счастья
Не обязательно быть чьей-либо мечтой.

P.S.

Я буду счастливой, мечтая!

ПРИВЕТ...

Привет... А ни о чем давай с тобою,
Как раньше под луной поговорим,
Забудемся, и давним чувствам волю,
Как пленникам безволия, дадим.
Сбежим от невозможности быть вместе,
В бездонный омут ласки с головой...
И тихой пусть нас повенчает песней
Под звездным небом вечная любовь!

ТО УТРО ПАХЛО КОФЕ И КОРИЦЕЙ

То утро пахло кофе и корицей,
Любовью, нарисованной весной,
А это – шорохом опавших листьев
И напряженной, жалкой тишиной...

Осенний день... Мне не нужны закаты,
Багряных красок теплые тона,
Мне б чашку кофе выпить с неженатым,
С любимым, с тем, кому была б нужна...

И снова губы пахли бы корицей,
Любовью, нарисованной весной...
И я смогла б в то утро возвратиться,
Чтоб хоть чуть-чуть побыть еще с тобой.

ВСЕ НЕ ТАК

Все не так... Пролетело и лето, и осень...
Не успелось в объятьях забытья от дел...
А хотелось из снов обольстительным гостем
Пригласить хоть на чашечку кофе в постель...

И обжечься... Да так, чтобы губы пылали
Ярче листьев бесстыдно смотрящих в окно...
Отклониться от всех общепринятых правил,
И отдаться любви: беспринципно, грешно...

Но не думать, что кто-то осудит за близость,
Сбросить маски, как осень постылый наряд...
И любить, и желать, и не только чтоб снилась
Нам возможность о главном друг другу сказать!

БЫТЬ ЖЕРТВОЙ СОБСТВЕННЫХ ЖЕЛАНИЙ

Быть жертвой собственных желаний,
Жалеть себя, считать рабой,
Бессильно пить покой глотками,
В песке-расплате за любовь
Тонуть, отбросив рассужденья,
Устала я... Нет больше сил
Бороться с гордостью, не веря,
В возможность сердца разлюбить.

ЗАЧЕМ Я ВНОВЬ КАСАЮСЬ

Я сегодня гуляла по парку,
Где рябина горела огнем,
И о сердце тушила огарки
Горькой правды, что мы не вдвоем.
 И алели на фоне заката
 Гроздья ягод... Ну как мы могли
 Опускать вниз глаза виновато,
 И молчать... И молчать о любви?
Мне в ладони рябина ложилась,
Сквозь неё я касалась тебя...
Мы не вместе, но некая близость
Позволяет мне то, что нельзя! —
 Возвращаться в ушедшее время,
 Нереальные строить мечты,
 И не спрашивать сердце «Зачем я
 Вновь касаюсь рябин золотых?»

ТУМАН НАД ГРУСТНЫМ ГОРОДОМ

Туман над грустным городом...
Мне страшно
Смотреть на серость дня
и ржавчину листвы...
Не так давно
цвела любовь в ромашках,
Теперь разлука
вышивает гладью сны.
В них жемчугами
росы серебрятся,
Рассвет ложится
на примятую траву...
Возможно, нам
и осени для счастья
Хватило бы...
будь наше лето наяву.
Короткие мгновенья...
Зажигалкой...
Раз огонек, два огонька...
Один пожар...
Туман над грустным городом...
Мне жалко,
Что все прошло,
и не со мною ты играл.

Я НЕ СТРАДАЮ

Я НЕ СТРАДАЮ
от неразделенных чувств,
Мне мысли о тебе
приносят СЧАСТЬЕ!
Немые монологи
прежде, чем уснуть...
И будто солнцем
серый мир украшен!
Так ярко,
ослепительно!
И огоньки
В моих глазах
прямое подтвержденье –
Я НЕ СТРАДАЮ
от утраченной любви,
Ведь жить тобой –
большое НАСЛАЖДЕНИЕ!

ЛЮБОВЬЮ НЕБО ДЫШИТ

Любовью небо дышит...
В ночной бесстрастной мгле
Я без тебя, как нищий,
Скитаюсь по Земле...
Шепчу беззвучно имя...
Родная, если спишь,
Хоть в сон меня впусти... Я...
Несу тебе цветы –
Живые незабудки
С сердечных клумб тоски...
В жемчужном перламутре
Помощницы-ночи
Сквозь шторы проскользну, и
Коснусь горячих губ...
(Ночные поцелуи –
Источник сладких мук...)
Не слышишь... Спишь...
Не знаешь...
Целую и молчу...
У нас одно дыханье
Во сне, как наяву...

Любовью небо дышит
В ночной бесстрастной мгле...
Любимая, услышь же...
(Кричать – не мой удел...)

ДУМАЙ ОБО МНЕ, ЧТО ХОЧЕШЬ

Думай обо мне, что хочешь –
Выпрямил извилины коньяк.
Мы станцуем этой ночью,
И моя игривость – это знак!

... К действию! Нет места страху.
Волю пальцам и губам. Не стой!
Ты, конечно, супер мачо!
Хочешь, покажу тебе любовь?!

С ненасытной лаской, с жаром!?
Ноготками нервы встрепену!..
Эх, да что ты понимаешь,
Не познавший зрелой страсти вкус?!

Думай обо мне что хочешь –
Взрослая... и опыт не отнять...
Я пьяна... Смелей, дружок,
Будем до рассвета танцевать!

Я ОСЕНЬЮ ВОРВУСЬ

Я осенью
ворвусь в твое окно
Прохладной ночью,
тихой, несравненной,
И нежно поцелую
октябрем,
Касаясь губ горячих
еле-еле.
Легоньким сквозняком
развею сон,
Бесшумно сброшу
на пол одеяло,
И ты сказать
не сможешь ничего,
Когда я календарь
начну сначала...

С ОСЕННИМ ВЕТРОМ

Осенний ветер – не обманщик
Души, утратившей покой,
Его минор звучит без фальши
С моей печалью в унисон...

Вдвоем я с ветром, не с тобою,
В багряных красках октября...
А все могло быть по-другому –
Любил бы ты, как я тебя.

Я НЕ ИГРАЮ

Я не играю в шахматы с судьбой,
На картах не гадаю на удачу,
И при свечах с тоскою, как с судьей
Над сокровенною мечтой не плачу.

Да потому, что я и есть мечта!..
Кусай же локти тот, кому не снилась!
Кто не впустил, но видел – маета
Стучалась в душу, будто в дом просилась.

Тот, кто боялся сделать первый шаг,
Открыть мне дверь и самому открыться –
Чего ж гадать на картах? Ты им – враг!
Они для тех, в ком силы есть, чтоб биться!

ЗОВИ! Я ПРИДУ!

Я готова на кончиках пальцев
В зазеркалье ушедшей любви
Без сомнений и страха ворваться,
Целиком одному посвятив
Неделимое время на части,
Необузданный чувств океан...
И соломинку – женское счастье
Отыскать среди битых зеркал.
Я, ступая босая по стеклам,
Из осколков мозаику сложу...
Только в сердце как будто иголкой
Что-то колит... «Зови! Я приду!»

ОСЕННИЙ ШАРМ

Грибов с утра ведро с горкой
мне муж на радостях принес,
с порога криком очень звонким,
шутя, обрадовал до слез:
Смотри, родная я не кофе
спешил доставить к вам в постель!
Ловя печалинку на вздохе,
он улыбнулся веселей.
Помыть, сварить, потом поджарить,
да ты ж хозяйюшка моя,
полдня тебе надеюсь хватит,
чтоб накормить меня сполна:
Салатом с сыром и грибами,
под майонезом с чесночком,
с грибной начинкой пирогами,
жульеном острым да с лучком.
Нафаршируй грибами перец,
свари свой фирменный гуляш,
грибами жирный оселедец
возьми на вкусный абордаж!
Все это мило, мой любимый,
но лучше б кофе с сахарком
принес, жалея свои силы,
чем шастать утром под дождем.
Готовить, знаешь, нет желанья,
но вот помыть я помогу,
сварю, поджарю со стараньем,
ты ж знаешь, я тебя люблю
за необычные сюрпризы
и кофе горький по утрам,
с тобой грибной я маркизой
осенний излучаю шарм!

ОСЕННИЙ ИНТИМ

В предрассветной синеве несмело
гасли звезды, падая с небес;
в поцелуях, как в ожогах, тело
пламенело точно рыжий лес.

Желтая осенняя тропинка
в рощу соловьиною звала,
где блестели росами слезинки,
отражая свет, как зеркала.

На руках сквозь сонные деревья
ты меня пронес ветрами дней,
подаривших радость восхищенья,
утонувшей в озере страстей.

На ковер из желтых листьев тихо
опустил, целуя невпопад
кисло-сладким вкусом облепихи,
тающим во рту как шоколад.

Мой огонь с глазами лета снова
кисточку в чернила опустил,
магом в бальной маске Казановы,
разукрасив утренний массив...

Белым шелком кружевных узоров
нас укрыла осень от дождей,
паутинками над светофором,
запрещающим грустить о ней.

НЕ СОЖЖЕННЫЕ МОСТЫ

Без оглядки убежала... только вот мосты
Не сожгла, и серый пепел мне не ворошить...
Но больно...
Тает в небе безграничном голубой рассвет –
Я ошибки подчеркнула, оставляя след...
Сегодня...
Протянула руку свету, новый смысл поймав –
Наши чувства, мысли, взгляды – счастья закрома...
Да только...
Не вернуть того, что было, я пошла вперед –
А реальность в мире прошлом вовсе не живет...
Нисколько...
Без оглядки убежала... только вот мосты
Не сожгла, и серый пепел мне не ворошить...
Но больно...

УЛОЖИ МЕНЯ СПАТЬ

Уложи меня спать на ковер незабудок,
Одеялом из нежных объятий укрой,
Чтобы я от любви потеряла рассудок,
Поцелуй губы сочной палитрою зорь.

Расскажи о созвездиях неба индиго,
С бесконечностью чувства, как звезды, сравни.
Соблазни. Искуси. Прочитай, будто с книги,
Сокровенные мысли влюбленной души.

Разожги пламя страсти под музыку ветра,
Завладей каждой клеткой, и ласк не жалея,
Чтобы я засыпала на крыльях рассвета
После жарких с тобой проведенных ночей.

СПАСИБО

Были и цветы, коньяк и водка –
Не было тебя среди гостей...

Как всегда нас разделяет что-то
Длинным списком неотложных дел.
И чужие губы обжигают
Кисти рук, целованных тобой,
Я смеюсь, танцую – я такая,
Что не только ты в меня влюблен.

Может в спину скажут, не красиво
Быть кокеткой, флиртовать... Но я
Для тебя ж стараюсь! И спасибо –
Хорошею ведь день ото дня!

МОЖЕТ НЕ СКРОМНА

Может, не скромна, не спорю –
Наглости набралась пригласить
На прогулку в жизнь длиною,
Будто чашку кофе заварить...

Горьким ароматом зори
Расстелили простыню-туман...
– Что, пошли? Я с пустотою
Целый мир делила пополам...

Где в лучах заката встречи
Нежности увенчаны венком...
Может, не скромна... но легче
Было б вечер разделить с тобой.

С НОВОЙ СТРОЧКИ

Белый лист – мой немой собеседник,
Сердца исповедь – письменный плач...

Мне бы выплеснуть смело последний,
Недопитый глоток неудач,
Недосказанность буквами сгладить,
На бумаге признаться в любви,
Не сдержать острый приступ печали –
Быть собой, а не кем-то другим.
Дописать до конца, все до точки...
Прочитать и поджечь, и забыть...
И начать новый день с новой строчки...

Только как же душе не любить?

НЕ ТОМИ!

Овации...

Души сиянье
сквозь зеркала бездонных глаз
исходит с диким ликованием
под сладкий шепот жгучих фраз.
Французским поцелуем чувства
вмиг встрепенулись...

Не томи!

Я на пуантах до безумства
в озерах неземной любви
принцессой старого балета
исполню драму жизни всей!
Горят глаза лучами света,
во мне живет сама Жизель*!

НЕ НАДО

Не надо звезд.
Оставь их поднебесной.
Хватает блеска
обожания в глазах.
Не надо обещаний...
Если честно,
Я сомневаюсь,
но пытаюсь утверждать.

Не надо никаких сюрпризов.
Хватит.
Остановись, послушай,
просто будь собой...
Устала я
от смены декораций.
Хочу покоя
и гармонии с душой.

Не надо останавливать.
Не бойся...
Дай надыхаться
васильковым небом всласть.
Вернусь
раскрепощенной и свободной,
И (может) даже
разрешу звезду украсть!

P.S.

Отпусти на время - я вернусь навсегда!

РАЗРЕШИ МНЕ

Я в твои безумные глаза
окунаюсь, и без разрешения
вспоминаю свадьбу, и когда
сказка стала воплощением

недосказанных фантазий
и наивных помыслов моих
с лепестками на кровати,
завершающими штрих

полотна любви и ласки,
что никак я не смогла
разукрасить, и без краски
вдруг картина ночью ожила.

И теней нечетких силуэты
гаснут в отблесках огня,
с губ срываются сонеты,
и от счастья я уже пьяна.

И в глазах твоих бушует
пламя, необузданной волной
веер крыльев поневоле
встрепенулся за моей спиной.

Невесомой птицей,
вдох роняя, на твое плечо
разреши мне приземлиться,
обжигая страстью горячо!

ПО-ВЕСЕННЕМУ ОСЕННЕЙ КРАСОТОЙ

Безымянной реальности оковы
и меня сплетали по рукам,
но из плена в глубину простора
ускользнул, переступая грань

своих собственных запретов,
и вопреки сложившейся судьбе,
всей душой влюбленного поэта
вновь мечтаю тайно о весне.

И апрель лавандовым рассветом
разбудил безудержный огонь
в ледяном хвосте кометы,
спрятанном в сознании моем.

Вы, непревзойденной чародейкой
вдохновляете на написанье строк,
и кричат с экрана карамельки,
ваших губ нежнейших лепесток:

Не зацелованная, страстная тигрица,
в душе такой же яркий огонек...
Позвольте влагой ваших губ напиться...
я и готов сгорать как мотылек

от жгучих языков каскадов меди,
что ниспадают огненной рекой
сквозь монитор... мой разум бредит
по-весеннему осенней красотой.

СО МНОЙ ЦЕЛУЕТСЯ МЕЧТА

Ненароком и чужою половинкой
ты ворвался в скучный мир,
и хрусталь сердечной льдинки
в бриллиант словами обратил.

Даже если не имеем права
вслух о счастье рассуждать,
камнем в золотой оправе
упаду с тобою на кровать.

И немые фразы океаном
будут о любви во всю кричать,
прикрывая наготу туманом,
ставить нам греховную печать.

Даже если только раз,
а потом не вспомнишь ты об этом,
выставляя в рифмах на показ
отрывки увлекательных сюжетов,

я запомню каждое мгновенье,
и дыханье, что срывалось вместо слов,
наполняя душу вдохновением,
разжигая грешную любовь.

Ненасытных губ не отрывая,
я ресниц не стану опускать,
чтобы не забыться, обнимаясь,
что со мной целуется мечта!

НЕМЫСЛИМЫЙ БАРЬЕР

И вот захлопнулась со скрипом дверь,
мы тихо руки друг от друга отрываем,
но сердце бубенцами загнанных коней
предательски всю душу обнажает.

Нет. Ты, конечно, ни говоря ни слова,
мне поцелуями покроешь страстные уста...
Всю без остатка себя отдать тебе готова,
и не смотря на то, что в этом не права.

Я запрещала себе думать об обмане,
измена и предательство немислимый барьер,
преодоленный сгоряча в ночном дурмане
моих фантазий, утонувших в нежности твоей.

Я волей случая, несдержанным порывом
тебе позволила во мне желанья разбудить,
и плачет осень от предательства дождливо,
а я от счастья над запретом победить.

И слез влажные полоски бережно ладонью
ты смахнешь, не прекращая целовать,
только сердце вот гудками телефона
будет громко о предательстве кричать.

Я не хотела. Нет. Безумно и волнительно
внимала каждый сорванный дыхания порыв,
перечеркнув всю жизнь сознательно
под фееричный двух сердечный взрыв!

АВЕНИЮ ДЛЯ КОРОЛЯ

Сон сковал твои ресницы...
безмятежно... и ты спишь...
в золотых стогах пшеницы
твой чарующий Париж...

«Мулен руж» танцуют маки
с ветром северным в тиши,
и с небес огнями знаки
шлют посланья для души:

витражи, миниатюры,
стиль готических времен...
Тайной западной культуры
разум дико искушен...

Кельты яркие пейзажи
сновидением опять
дарят облаком из блажи
то, что больше не отнять.

Лица в смытом очертаньи,
вечный жанр людской игры
стуком сердца во звучаньи
бесполезной мишуры...

Спи... и пусть тебе приснятся
Елисейские поля,
с триумфальной аркой счастье...
авеню для короля.

А НОЧЬ БЫЛА ПРЕКРАСНОЙ

А ночь была прекрасной,
и луна
лучами мягкими
скользила осторожно...
Я расплатилась за любовь
сполна,
желая наше счастье
приукрасить ложью...
И звезд искристых
блики на груди
жемчужным ожерельем
серебристых нитей
роняли слезы...
Мрак...
«Не уходи,
мой светлый ангел,
в свою прежнюю обитель.
Я,
восхищаясь красотой твоей,
несмело к звездам, к небу
взоры обращала,
тобой болела
тысячи ночей...
И до сих пор
тебя считаю идеалом!»

ГОЛУБЫМ ОГНЕМ

Хрустальной льдинкой по стеклу,
дрожащему в прогнившей раме,
зима стучала на ветру
нетерпеливой строгой дамой.

Вуаль на шляпке синевой
ритмично сальсу танцевала,
а снег летящей красотой
сад укрывал, как одеялом.

И синий взгляд из-под ресниц
Пушистых длинных, словно веер,
величаем земных цариц
отобразил холодный север.

Снежинки звонким хрусталем
по разрисованным картинам
до боли голубым огнем
сжигали осени руины.

НОЧНАЯ БАЛЕРИНА

Лисьим взглядом
хитро щурясь,
балериной на носках,
отражением любясь,
словно в чистых зеркалах,
гладью моря околдован
сине-красный неба цвет.
И плывут хамелеоны
льдом мерцающих комет
в юбках с тонкого фатина
звездной россыпью огней...
Поднебесная витрина –
сказка! Римский Колизей!
И закат, прищурив очи,
черной бездной подведен,
гулом волн опять хохочет,
будто хитрый купидон.
В танце пляшут блики света,
и пуанты балерин,
словно пчелы над букетом,
собирают нектарин
с ледяных огней вселенной,
что в ночи, как лисий мех,
согревают душу медной
роскошью людских утех.

ЗВЕЗДОПАД

То ли звезды мне платочком
помахали с высоты,
оставляя на песочке
пену волн, огни, следы.
То ли лунная дорожка
серебрилась бирюзой,
краски глянцевої обложки
затмевая красотой.
То ли пел бесстыдно ветер
страстно песни про интим
и играл на черной флейте
со свеченьем золотым.
То ли губы жаром света
целовали невпопад,
от заката до рассвета
мне даруя звездопад.

БИСЕРНАЯ ИНФАНТА

Цветущей сакурой подвеска на цепочке
от бисерных фантазий чудом ожила,
и легким ароматом свежих лепесточков
слетали запахи с волшебного стекла.

Руками скромной и застенчивой инфанты
из бисера был создан королевский мир,
и розовые ветки блеском бриллиантов
сияли в вечной музыке французских лир.

Глоток вина в бокале на высокой ножке
оставив на потом, ладони протянув,
принцессой бисера из глянцевой обложки
она вдыхала запах сладких ей текстур.

НЕКРОНИЯ

Акrostих

Н - Надежда, я околдован ясным взглядом...
Е - Единственной звездой готов тебя назвать.
К - Кусочек неба молнии разрядом
Р - Разжег пожар любви и научил летать.
О - Очаровала... сердце в плен взяла ты...
Н - Нежданный поцелуй твой на ветру ловлю,
И - И только губ хмельные ароматы
Я - Я ощущаю сердцем, а душой люблю.

Написано по просьбе героя онлайн-игры
«Герои Войны и Денег» [fara-](#)
для героини Некрония.

МСТИТЕЛЬНИЦА

М - Мерцают огоньки зеленых глаз...
С - Свечение их стрелой моё пронзает сердце,
Т - Тоскую, что другому выпал шанс
И - Интимом наслаждаться в вашем
королевстве.
Т - Тверда и неприступна, как скала...
Е - Естественно любить красивых очень
страшно,
Ль - Льдом вмиг души влюбленной зеркала
Н - Непостижимо тают строчками о счастье.
И - Искал возможность я не унывать,
Ц - Цветы не сравнивать с холодным
совершенством,
А - А вместо восхищенья – боль и страсть
...наполнила мой океан любви блаженством.

Написано по просьбе [СУ-47](#) (ГВД)

ЧУДОТВОРНИЦА

Ч - Чисты мои заветные желанья –
У - Утешить даже слов не говоря,
Д - До боли понимающим молчаньем
О - Отдаться мгле утраченного дня.
Т - Твоим душевным мукам, как лекарство,
В - Возвышенные ноты тишины,
О - Ответившей на строгое коварство
Р - Роскошной ночью ласковой весны.
Н - Неловко нарушать покой словами,
И - И вдохновлять продолжить прежний путь,
Ц - Целуя обольстительно губами,
А - А взглядом вас пытаться обмануть.

НА ДОРОГОМ АВТО

На дорогом авто сквозь сонные витрины
и серую непривлекательную тишь,
сверкая фарами, лучом аквамарина
опять по вечной траектории летишь.

Летать со скоростью свечения кометы
особый статус власти предоставил честь,
и волей случая богатенькие дети
на серпантине жизни кровью ставят крест.

И вдоль дорог камней чернеют возвышенья,
и мертвые цветы под строчками «скорбим»,
и только матеря не знают утешенья
виновников и жертв любителей машин.

НЕДОТРОГА

Незванный гость хозяином страницу
перевернул, заметив между строк
былой любви безмолвную частицу –
сухие листья желтых недотрог;
шуршащим ветром рисовал рассветы
на гладких шторах прошлогодних драм...
Закладка в книге... Недотрога, где ты? –
Меня здесь нет – я отдалась стихам!

ФИАЛКОВЫЙ ЭЛИКСИР

Уже другими стали губы, в них результат твоей
мечты. Не ты теперь мехами шубы ласкаешь
спящие цветы, семью фиалками на теле
застывшие по волшебству... Ты стал другим,
но мы сумеем пройти по звездному ковру.

Плечом к плечу, а может порознь.

Твой новый образ просто шик -

мечта сбылась, и тихий голос

вновь взбудоражит мой

цветник. Ты счастлив,

уникален, весел!

И эту чашу я

до дна

под

твой

мотив

игривых

песен

допью

за образ и тебя!

Для Игориуса

барда Империи ГВД (Герои Войны и Денег)

ЛЮБИМОЙ НАДЕЖДЕ

Л - Любовь цепями сердце оковала...
Ю- Юна, прекрасна та, в которую влюблен –
Б - Благоухает бабочкой из мая,
И - И я её волшебной сказкой окрылен.
М - Мой сон усеян лепестками цвета
О - Оранжево-лиловых дерзких орхидей,
Й - И ты Надежда, лучиком рассвета

Н - Навстречу мне летишь со стаей лебедей.
А - А все вокруг торжественно смеется...
Д - Достойней нет моей Надежды на Земле...
Е - Еще бы миг, но силы нет бороться –
Ж - Жемчужный сон опять рассеялся во тьме...
Д - Догнать виденье голосом мне вторит
Е - Еле заметная ранимая душа...

... НАДЕЖДА, ВЗГЛЯДОМ ТЫ СВОИМ ДО БОЛИ
ПРОНЗИЛА МОЁ СЕРДЦЕ КАК ОСКОЛКОМ ЛЬДА.

Написано по просьбе героя онлайн-игры
«Герои Войны и Денег» [fara-](#)
для героини Некрония.

КАК ОШИБАЛАСЬ...

Как ошибалась, принимая
за скромность сдержанность... Язык
молчаньем ранил, убивая
росток доверия, как шип
бордовой розы, красотой что
затмит рубинов блеск, и день
мне не забыть, когда теленком
седой прикинулся олень.
Не разглядела эгоизма
и хищной хватки... Он молчал...
Деньгами алчность измерима...
Короткий путь под трибунал.

СТИХИ ШИФОНОВЫМ ПЛАТКОМ

Стихи шифоновым платком
унес колючий ветер в небо,
а ты как будто незнаком
и никогда знакомым не был...

Обрывки слов за облака...
К воздушным замкам поднебесья...
Ушла любовь... Но в никуда,
увы, последствиям не деться.

Закат огнями говорил
стихов, не сотканных мечтою,
и в кружевах звездой на бис
ты пел... и был самым собою...

ПЕЧАЛЬ КОСНЕТСЯ ТИШИНОЙ

Печаль коснется тишиной
нагрянут вдруг воспоминанья,
и желтый воск скупой слезой
растопит лед непониманья...

Постой! Ни слова с губ! Молчи!
Не умоляю на коленях...
И только кровь в висках стучит –
меня же мучают сомненья:

Зачем? За что? Останови!
Скрываю мысли неумело...
Я не хочу других любить –
ты мой король, я королева.

Постой! Ни слова с губ! Молчи!
Давай попробуем сначала...
Не смей! Не думай уходить!
С тобой в любовь я не играла.

ЗВЕЗДНЫЙ ВАЛЬС

В небе звезды ярким светом
синий берег в тишине
рисовали карамелью
цвета счастья при луне.

Блестки чувства пленом ночи
в диком танце тех лампад
белый вечер полномочий
превращали в звездопад.

Блики в море цепью время
приковали над волной
стоном боли Прометея,
вечной правдой вековой.

Радость звезды излучали
в танце счастья при луне
только яркими слезами -
белым вальсом в полутьме.

СНЕЖНАЯ ИЛЛЮЗИЯ

Ночью ветер тихо-тихо
белым облаком в окно
постучался сказкой лихо,
дверь открыла – никого.

На пороге среди снега
образ вечной мерзлоты
переехала телега
леденящей красоты.

Звезды с неба ярким светом
стали падать над землей,
белый ангел мне букетом
бросил лучик озорной.

Стебель зимнего ириса,
обжигая холодком,
зачарованной актрисой
сердце греет угольком.

Блеском снежного свеченья
лепестки в холодной мгле
с тенью боли огорченья
танцевали на стекле.

ЛУННАЯ СКАЗКА

Засветила в звездном небе
в тихом царствии луна,
проливая блеск на снеге
звездной пылью января.

Вековые пятна грустно
сонным облаком укрыл
черный ворон, не искусно
поднимаясь вверх без крыл.

Перья тяжкие сквозь воздух
застилали небосвод,
не давая белым звездам
стать в вечерний хоровод.

Лунный свет огнями ночи
сильный ветер разбудил,
и мелодией по-волчьи
перья в небе растворил.

Снова звездные узоры
ожерельем жемчугов
бились радостно о шторы
над границей берегов.

Засветила в звездном небе
в тихом царствии луна,
проливая блеск на снеге
звездной пылью января.

ПОГАСШАЯ ЗВЕЗДА

Зачем, звезда, в мои ладони
холодным блеском с высоты
скрываясь словно от погони
упала призраком мечты?

Держу тебя, боясь неловко
на землю жаром упустить,
свечением, а не осколком,
утратившим связную нить

с далекими огнями неба
и с синевой других миров...
В ладошках вдруг комочком снега
со мной беседует любовь.

Лавандовые ароматы
дымком рассеялись вокруг,
медовым клевером и мятой...
Все чаще сердца перестук

от увлекательных картинок,
в руках сияющим шаром,
мозайками из синих льдинок,
кричащих звонко про любовь.

Звезда погасла и остыла,
о главном не успев сказать,
что не нужна большая сила,
дарить чтоб людям благодать.

ОСЕННЕЕ ЭХО

Осень эхом в золоте дождей
ноты паутинок бросала
в роскошь багровеющих ветвей,
увядания лесов начало.

И слезами капельки росы
пожелтевшую листву укрыли
памятью утраченной весны,
в воздухе парящей звездной пылью.

Огоньками падают с небес
кленов пятипалые снежинки,
оставляя свой чудесный блеск
влажными поцелуем на ботинке.

Осень! Криком перелетных птиц
Звонкая мелодия звучала,
ветренным листанием страниц
желтого от старости романа.

РЕЧНОЙ ПЕЙЗАЖ

В зеленом коридоре над волной
светились брызги шумного потока,
даруя душам неземной покой
и невесомость перышка сороки,

Что черно-белым взмахом с высоты
закрыла золото дневного солнца,
и опаленная в лучах звезды
упала камнем в точку горизонта.

И всплеском, и кругами на воде
играли радужные блики в свете,
горящего над всеми вдалеке
в хрустали из лавандовых букетов.

Коктейлем из эмоций невзначай
река хозяйкой щедро угостила,
и, позабыв недавнюю печаль,
я в вальсе над волнами закружила.

СОЛНЕЧНОЕ...

Пейзажи гор, хребтов зеленых,
укрытых сказкой в тишине,
стояли в солнце утомленном,
лучом скользящим по воде,
рисующим мотивы лета,
и облака тонули в ней,
как запоздалая карета,
от спешки вороных коней,
что мчали нас бесповоротно
к обрыву ветреной судьбы,
когда эскизы на полотнах
руками горестной рабы
огонь в сердцах разворошили,
и крылья ангела с небес
мне веру в счастье подарили,
а мужу боль и тяжкий стресс.

НЕДОЛЮБИЛА

Не спрашивай, я грею солнце
дыханьем снежных февралей
в свечении луны, что тоньше
любви не пролитых дождей.

Росой серебряной на листьях
и облаками в край небес,
желая навсегда проститься,
иду с реальностью вразрез.

Размахом рук, пернатых крыльев
черчу я инеем огни,
но от попыток обессилев,
лишь точки падают одни...

Недолюбила... я не художник,
картин с души нарисовать,
когда от сердца подорожник
без боли мне не оторвать.

То солнце что меня согрело,
погасло искоркой во тьме...
Прости за то, что не успела
сказать о главном я тебе.

Не спрашивай, зачем так поздно
дышу, стараясь разогреть...
когда светило в небе солнце,
погас навеки человек...

РЕНЕССАНСА МОГУЧИЕ КРЫЛЬЯ

Попса и поэзия в схватке неравной
сошлись на распутии пыльных дорог,
нескладные тексты волной популярной
поэзию сбили с ослабленных ног.

Под залпы оваций в наполненном зале
попсе возводили до звезд пьедестал,
и антикультуру в хмельном карнавале
осыпали фальшью прелестных похвал.

Свечением звезд, бриллиантовым блеском,
и прессом тугим иностранных купюр
с экранов иллюзия творчества резко
кричит баритоном в трусах от кутюр.

Правительство главным их спонсором смело
приветствует всеми любимый призыв –
пробиться за славой, известностью телом,
о рамках приличий совсем позабыв.

К чему же попса приведет поколение,
где миром не правит любовь и мораль?
Культура оставила в небе лишь перья
и облако вдаль улетающих стай.

Культуру оазисом в мире пустынном
среди бесполезных глухих голосов
спасут ренессанса могучие крылья,
несущие людям добро и любовь!

КРИКОМ ДУШИ

Криком души,
отчаянным стоном
в муках мольбы
осколков со звоном
лирический гений
пленником шоу
великим творениям
путь не нашел.

Кому это надо?
Овации зала
пулей в затылок
шоу забрало.

В луже печали,
на пропасти дне
поэзия плачет
одна в тишине.

Голые пляски
антикурьертур
подобием маски
лживых натур
солью на рану,
выстрелом в сердце
шоу украдо
первое место.

Хлеба и зрелищ!
Веками просили...
Своими руками
огонь погасили
ценности слова,
несущего в дар
духовного мира
святой идеал.

ФАРАОН

Звучанием разбитого стекла
моя душа от боли застонала,
и ангел, опустив глаза,
позволил мне начать сначала.

Влюбиться, позабыв о долге,
отбросить мыслей неподъемный груз,
пройтись по пройденной дороге,
испить росу с забытых уст.

И снова лицезреть тот образ,
что не давал спокойно засыпать...
«Мой фараон на шее с коброй,
на сердце ставивший печать»...

Сквозь изменения столетий
я снова ощущаю сердца жар;
меня ты снова не заметишь,
я лишь рабыня, проданный товар.

И вопреки земным законам
я, утопая в золоте песков,
опять целую губы фараона,
но падаю под тяжестью оков.

И стеклянные осколки звонко
по мрамору гробницы растеклись,
но душа за встречу с фараоном
благодарна ангелу всю жизнь...

БЕСЕДА В ТИШИНЕ

Кому пишу я эти строки?
Мне просто не кому сказать
и мыслей бурные потоки
ложатся медленно в тетрадь.

Луна в таком же одиночестве
бледнее полотна,
и брызгами шампанского
искрится синева.

До разговоров в тишине
со стен немым ответом
не докатилась, но уже
беседую с рассветом.

Прохлада ранняя постой,
зачем так торопиться?
Наполнена душа тоской,
и бьется в сердце птицей.

Я слышу за спиной шаги
и легкое дыханье,
на расстоянии руки
реальность... И желания

отброшу снова до времен,
когда покой и тишина,
не называя имена,
вернут мне прежнего тебя.

СКВОЗЬ БРОНЬ ДУШИ

Стучать безмолвно капелькой дождя,
стекающей извилисто сквозь стекла,
сквозь бронь души, и глаз не отводя,
устала быть я пленницей свободной.

Прозрачной тенью тихой жаркой ночи
я опущусь пушинкой на твою кровать,
свой поцелуй горячий, между прочим,
направлю нежно в приоткрытые уста.

Проводишь сонно по губам ладонью,
и шорох одеяла нарушает тишину,
я облаком души, наполненным любовью,
в переизбытке чувства своего тону.

Ты никогда обнять меня не сможешь,
рассвет туманный образ мой испепелит,
и лишь во тьме с тобою разделяю ложе,
люблю тебя, хотя рассудок не велит.

Любуюсь мужеством в твоём лице,
и невесомым рук прикосновением,
не нравятся лишь блики на кольце...
другая дама окольцевала твоё сердце.

Сквозь бронь души ласкаю тебя смело
горячим поцелуем разжигая огоньки,
ты спишь с моей душой... а тело
обещано другому, счастьем вопреки.

КОРОТКИМ ЭПИЗОДОМ

Молчания неловкие моменты
туманом застилают чистоту
бездонных глаз, и комплименты
звучат дождями по стеклу.

Объятия волной огня по коже,
дыхание шелковым платком...
теперь ты точно устоять не сможешь
перед любви коварным колдовством.

И галстук будет мной небрежно
на спинку стула брошен отдыхать,
отбросив "но" я в поцелуях нежных
за грех с тобой познаю благодать.

Сожмем ладони, и глаза в глаза,
читая сокровенные желанья,
посмотрим, не произнося слова,
на отражение безмолвного признанья.

И каждой клеточкой на ласку
ответит кожа криками души,
бросая на пол постоянства маску,
взрывая преданность в ночной тиши.

Коротким эпизодом в виде исключения
позволим сбыться розовым мечтам,
и две судьбы желанного паденья
фрагментом сна разделим пополам!

ОТПУСТИ, НЕ МУЧАЙ

Мелодией печально сердце в тишине
стонет нелегально в черной пустоте,
Кандалы запрета тяжестью цепей
приковали к лету стужу зимних дней.

Я белыми снегами, ты языком огня
запреты нарушали, любовь свою храня.
Отпусти, не мучай, оковы разорви...
Какой тяжелый случай сохнуть от любви.

Я не имею права требовать забыть,
спокойствием удава чувства истребить.
Отпусти рабыней неземной любви,
солнечной богиней с инеем в груди.

Снежную метелью я еще вернусь,
вопреки забвенью снегом улыбнусь,
и под ноги лягу белым полотном,
строчкой на бумагу в творчестве твоём.

КЛЕНОВЫМ НАСТРОЕНЬЕМ

С желтым кленом
осень танцевала
в тишине аллей
завершеньем бала.

Листопад несмело
под ноги ложился,
желтым покрывалом
о бордюры бился.

Звонко каблучками
сквозь прощальный вальс,
навеянный мечтами,
исполнен мой романс.

Аккомпанементом
капельки дождя
забытые фрагменты
остротой гвоздя

уверенно и смело
сквозь промокший плащ
в душу, словно в тело,
болью неудач

вернули сожаленье
осенним торжеством
кленовым настроеньем
желтым грустным днем.

БЕРЕГ КАМЕННЫХ ИЛЛЮЗИЙ

Я тень,
нечеткое виденье
минутой смытое теченьем
на берег каменных творений
любовью брошенных сердец.

Я пустота,
душа в забвении,
но сладкий яд её суждений
извечной силой наваждений
несет фантазиям конец.

Я тишина,
немое объясненье
терзает душу заблужденьем,
холодным пеплом заточенья
в шкатулку брошенных колец.

Ты не заметишь
отраженья
в моих глазах мировоззренья,
я белым флагом пораженья
бросаю под ноги венец.

И берег
каменных иллюзий
сердечных странностей любви
играет океаном мюзикл
души печалям вопреки.

ВИРТУАЛЬНЫЙ СНАРЯД

Одни и те же строчки монитора
Морской водой по раненой душе
терзают мысли легким вздором
шагов тяжелых в тишине.

Виденьем в образе миледи
с горячим пламенем внутри
и волосами цвета меди
мой разум бредит до зари.

Осколком виртуального снаряда
со звоном в сердце синевой
любви холодной, словно ядом,
до боли в теле поражен.

НЕ ИГНОРИРУЯ ДУШИ ЖЕЛАНЬЯ

Не игнорируя души желанья,
я отвечаю строчкой на письмо,
и пальцы трепетным касаньем
стучат по клавишам легко.

Я позволяю локонов касаться
на расстоянии невидимых сетей,
и в виртуальном мире наслаждаться
огнем запрета и страстей...

Безымянные реальности оковы
не подвластны розовым мечтам...
в лабиринте судеб тупиковом
волю я даю своим стихам...

ЗАПРЕТНОЕ ТЕПЛО

Не расцени вторжением без спроса,
не нарекай несдержанных эмоций
словами беспринципности...
вопросы
глубины души неправильных пропорций
терзают сердце кровожадным львом,
и образ жгучей страсти опьяняет,
и от запретного тепла
я ледником
стихами на бумагу в полночь таю.

Прости,
полночи бредил, не решаясь
настойчиво стучаться в вашу жизнь,
где солнце в прядях отражаясь,
лучами манит вас с собою увести.
И теми же лучами
с неба озаренье
спустилось на рассвете в тишине,
позвольте вас похитить на мгновение,
чтоб лучик света вечно жил во мне.

Цветы...
им не дано сравниться с вами,
я образ ваш огнями рисовал
и возвышал звездой на пьедестале,
что выше всех заслуженных похвал.
Ожогами
от листьев крапивы
покрылось все сознание в минуту,
когда глазами с монитора вы
соблазну протянули свою руку...

ВЕСЕННЕЙ ОСЕНЬЮ ИЗ ЛЕТА

Кленовый лист с подола платья
осенней грусти желтый след
оставил холодом в объятьях
без поражений и побед.

Кусочком призрачного счастья
твой силуэт сквозь мрачный сон
подолом огненного платья
пылает в сумраке ночном.

Я не стремлюсь печаль сознания
залить бокалом горьких вин,
но от любви на сердце пьяном
шипами розы бьет полынь

по моим смелым откровеньям,
я честен в этот раз с собой,
не разделяя старых мнений,
болею встречей роковой.

Огонь в глазах, искра желанья,
расшитый осенью костюм,
но время мигом в наказанье
кленовый лист бросает в трюм

мечтаний грустного поэта,
чье сердце бьется от любви...
Весенней осенью из лета
моей души не уходи...

ЧУЖУЮ ЖЕНЩИНУ-ЗАБАВУ

Истерзан совестью по праву
за позволение любить
чужую женщину-забаву,
с которой мне не разделить

ни фиолетовых рассветов,
ни звездной россыпи небес
под красным лозунгом запретов,
отяготившим мыслей вес.

Я протянул виденью руку,
и жаром сердце обдалось,
испепеля боль и муку,
стучать сильнее довелось.

И барабанной дроби грохот
до оглушения в груди
свирепым разъяренным соло
пролил в душе моей дожди.

Клыками волки рвали тело,
а совесть чистила мозги
за преступление несмелой
и обезумевшей любви.

Но из последних сил сражаясь,
я все равно хочу любить,
души дождями обливаясь,
к забаве совершать визит.

НЕ ОБВИНЯЮ

Не обвиняю. Нет. Я благодарен,
Что ты ворвалась ветром в скучный мир,
Аккордами по скованной гитаре,
Вливая в душу свой целебный эликсир.

Не обвиняю. Нет, я преклоняюсь
Перед твоей осенней красотой в весне,
И в глубине души не сомневаюсь,
что повторил бы все, как в сладком сне.

Опять ласкал бы твои плечи,
И на руках пушинкой в воздухе кружил.
Мир соткан из противоречий,
но разлюбить тебя уже не хватит сил.

ЯБЛОКОМ «Ю»

Люблю! Всего два слога с буквой «Ю»,
и сердце от волнения стучится,
позволь, хоть на минуточку одну
с мечтою мне несбыточной проститься.

Глазами молча говорить не буду,
от боли в сердце хочется кричать,
Я вас люблю! Два "Ю" подобных чуду
я отпускаю вздохом наугад,

с ладошек облачком мерцающего неба
летите "Ю" по разным сторонам,
сплетаясь воедино ароматом спелым
тех сладких «Ю», что яблоком манят.

ГУДКИ НЕМОГО ТЕЛЕФОНА

В молчании немого телефона
стучит ускоренно мой пульс,
и мы с тобою вопреки законам
познали сладкой неги вкус.

Теперь бумажный тест расплатой
за наши чувства выставляет счет,
приобретение тебя и боль утраты
гудками отправляются в полет.

Ты далеко... неизмеримо расстоянье
от коридора до вершины глубины,
где каждый раз слова прощанья
под звездным небом мне слышны.

В ВОСТОЧНОМ ТАНЦЕ

Мне звездный вечер покрывалом
из тени лунного кольца
набросил шаль, как перед балом
принцессе прямо у крыльца.

И огоньками золотились
в глазах созвездий берега,
когда созвучные мотивы
бурлили в сердце, как вода

в потоках сильного течения
любовью пройденных преград
в пути высокого стремленья
достигнуть цели без утрат.

С тобой я ни за что на свете
продолжить путь не побоюсь,
и пусть любовь всесильный ветер
вдохнет в крепчающий союз.

Поправлю шаль и смело в двери
без стука ветрено впорхну,
восточным танцем ощущений
твой океан я встрепену.

На стройном теле только звезды
из тени лунного кольца,
веди меня, пока не поздно
черпать эмоции с лица.

МОЯ ТЫ СКАЗКА

Чужие высокие стены
и город угрюмо молчит,
а сверху серое небо
дождем совершает визит.

Сердце безумно стучится,
у меня всего полчаса,
и я как уставшая птица
подняться хочу в небеса.

Не зная названия улиц,
как мне разыскать тебя?
И я с головой окунулась
в кричащую боль дождя.

Набирая заученный номер,
пытаюсь понять, где же я,
и пусть в этом ты не виновен,
но я тебя не нашла.

И нежный голос мне вторит,
«Я жду тебя под дождем»,
и сердца лиловые зори
горят золотым октябрем.

«Ты памятник Ленину видишь?»
И сердце стучится сильней,
Я скоро тебя увижу,
поют мне слезинки дождей.

Опять каблучки утопают
в лужах бушующих вод,

я о тебе мечтаю... мой
нежный спасательный плот.

Последние капельки с зонта
упали на мокрый асфальт,
на линии личного фронта
печально стонет мой альт.

Томлюсь я в ожидании,
а стрелки все бегут,
и тишина с молчанием
огнем мне душу жгут.

А вот и ты! и бешено
сердце камнем вниз
падает под ноги мне
в дождя холодный бриз.

Теперь я бессердечная,
как статуя стою,
у пьедестала Ленина
мгновенья тороплю.

Как сладкий сон, видением
вальс свой Мендельсон
осколками свечения
играет в унисон.

От глаз не оторваться,
По ним читаю жизнь...
и все забыла... только
губы в единое слились.

Не важно, что подумают,
я знаю все сама:
муж жену прилюдно
не поцелует никогда.

А мы и не любовники,
знакомы лишь едва,
зато в два наших сердце
вошла одна стрела.

И руки аккуратно
на талию легли,
мы в аромате сладком
сорвались от земли.

Я бы с тобой летела
в заоблачную даль,
душой своей и телом
я стерла бы печаль.

В твоих ладонях сердце
трепещет от любви,
короткие мгновенья
на чувства нам даны.

«Нам нужно торопиться,
уже наполнен зал»,
и словно крылья птице
сломал свирепый шквал.

И снова я на землю,
на камни мокрых плит
упала, и не внемлю,
о чем кричит гранит.

Мы за руки беремся,
культура нас зовет,
поэт и поэтесса,
вперед! Вперед! Вперед!

Теперь ты не картинка,
я встретила тебя,
чужая половинка,
сегодня ты моя.

Точнее мой, и вечер
культурно проведем,
а, насладившись встречей,
уснем с тобой вдвоем.

Моя ты сказка и реальность,
мой сон и бытие,
и двух сердец одна тональность
связала нас с тобой в одно!

МАМА, ГДЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?

В уютной небольшой кухне на лакированном столе стояла глубокая тарелка с жареными котлетами. Ароматный запах сочной свинины вперемешку с приправой из мелко измельченных трав витал в воздухе. Шкварчало масло в сковородке. На газовой печке помимо котлет еще кипел украинский борщ со свеклой, морковью и другими овощами. Засвистел сверкающий чистотой чайник, и женская рука отключила конфорку.

Так и не приготовив себе чай, хозяйшка продолжила хлопотать по дому. После приготовления обеда она натерла зеркало в прихожей, отполировала мебель и вымыла полы во всей квартире. Единственное что невозможно было сделать, так это пропылесосить. Потому что полугодовалый ребенок тихонько спал в своей кроватке.

Натирая сухие шершавые ладони увлажняющим кремом, купленным в аптеке за 4 гривны, Станислава взглянула на часы. А затем отодвинула занавеску и стала рассматривать прохожих. Шел мелкий снег, укрывая дорожки городского парка. Под деревьями все еще желтел осенний ковер. Черные вороны стаями облепляли пустынные полянки, выискивая на земле орехи.

Услышав плач малыша, Станислава пулей пролетела из кухни в спальню, даже не посмотрев на свое отражение в большом зеркале. Но голубоглазый мальчик с пухлыми ручонками и щечками хомячка все равно был рад своей маме. Ему точно было безразлично, что она уже три дня не мыла голову, а сегодня еще даже не расчесывалась. И грязный фартук его ничуть не смущал. А если говорить о косметике, то малыш и вовсе никогда не видел свою маму накрашенной. Он любил её такую – пахнущую чем-то вкусным, нежную и ласковую.

Вскоре раздался стук в дверь. Звонок уже несколько месяцев не работал, и никто даже не вспоминал, что нужно заменить батарейки. Станислава взяла малыша на руки, и вместе с ним подошла к двери, взглянула в глазок, и сразу же зазвенела связкой ключей.

На пороге стоял, опустив голову, старший сын Стёпка. Теплая шапка была надвинута ниже бровей, шарф завязан неаккуратно.

— Ну, и что это ты стоишь?! Проходи, рассказывай, что на этот раз случилось? – Станислава одной рукой приподняла опущенный подбородок сына.

— Эля предательница, – едва не плача произнес восьмилетний мальчик, – она обещала сегодня со мной идти домой, а сама пошла с Даниилом.

— Ну и пусть себе ходит с Даниилом. Не расстраивайся – Эля для тебя старушка. Твоя невеста еще, может быть, даже не родилась, – Станислава закрыла дверь, наблюдая, как Степан разуваается.

— Она не старушка, мама! Ей восемь лет, так же как и мне. Я что старик уже что ли? – Степа бросил промокшие мокасины в угол.

— Какой ты у меня умный! – Станислава остановилась, уставившись на сырые носки сына. – Стоп.

А почему ты пришел домой во второй обуви? Ты чего не переобулся? На улице же холодно.

— Я забыл, – Степа быстро повесил куртку, и побежал в детскую комнату.

— Что значит «забыл»? А когда ты вышел из школы, ты разве не почувствовал что ногам холодно? Где твои ботинки?

— В пакете, – ответил сын, пряча глаза.

— О чем ты только думаешь? Ах, ну да, конечно, об Эле, – сама ответила на свой вопрос молодая мама, возмущенная забывчивостью Степана. – Переодевайся и иди кушать.

— Mam, Гришка сегодня проткнул циркулем мою бутылку с водой. У нас есть еще маленькая бутылочка, чтобы завтра можно было взять в школу. Мне так пить сегодня хотелось, а из-за этого дурака вся моя вода вылилась под парту. Надо мной потом еще полкласса смеялись, потому что Гришка сказал, что я описался, – мальчик заплакал.

— Не плачь. И не дружи с Гришкой. А если он тебя обижает – дай сдачи. Один раз получит в нос, во второй – не полезет.

Степан молча вытер щеки рукавами серой водолазки, на которой остались темные пятнышки от детских слез. Маленький Антошка скривил розовое личико и громко заплакал, отбросив голову назад и широко раскрывая рот.

— А тебя какая муха укусила, Сюси-пуси?! За компанию что ли?!

В двери снова постучали. Тук, тук, тук-тук, тук. Это мог быть только Глеб, больше никого Станислава не ожидала. Опять щелкнул замок, и Степка уже тут как тут с радостной улыбкой и протянутыми вверх руками.

— Папочка пришел! А что ты сладкого мне принес?! Ух ты, кексы со сгущенкой! – первым делом Степка раскрыл пакет. – Люблю сладенькое!

— Это мы знаем! Ты борщ поел? – Глеб повесил куртку на вешалку, интенсивно потер покрасневшие от холода ладони. – Как у нас дома тепло, и вкусно пахнет!

— Переодевайся, любимый, и приходи обедать!

Станислава вместе с детьми пошла в кухню, и только Глеб на мгновение застыл на месте. Еще раз глубоко вдохнул полной грудью пропахший борщом воздух, потом наклонил голову, убедившись в безупречной чистоте ламината, провел кончиком пальцев по деревянному обрамлению зеркала – порядок, и придраться не к чему.

— Ты чего не переодеваешься? – Станислава выглянула из кухни.

— Да сейчас переоденусь. Уже и в зеркало посмотретья нельзя.

За столом Глеб украдкой поглядывал в сторону жены. Её короткие растрепанные волосы были грязными, трехцветными. Черными у корней, каштановыми посередине, а кончики и вовсе были непонятного цвета. Прямая челка, ранее скрывающая высокий лоб, была поднята металлической спиралью тонкого обруча. Густые брови разделялись узкой полоской едва заметных темных волосинок. Глаза хоть и светились неким внутренним светом, но утратили свою первоначальную красоту. Бледность и отчетливо прорисовывающиеся на прямом носу черные точки отталкивали взгляд. Глеб пытался найти хоть что-то из тех качеств во внешности Станиславы, заставивших его много лет назад обратить внимание на эту девушку. Но не находил. Сейчас она представлялась некой серой мышкой, откровенно несимпатичной и не вызывающей никакого сексуального

влечения. А вот на двух мальчишек он смотрел с неподдельной радостью и гордостью.

— Глебушка, как у тебя прошел день? – голос жены заставил повернуться и взглянуть прямо в глаза.

— Как всегда, – ответил Глеб, закашлявшись и чуть не подавившись куском мяса. – Сегодня Иванов выставялся за своё тридцатилетие, – при этом он загадочно улыбнулся.

— Сегодня? А почему по тебе совсем не видно, что ты пил? – Станислава, ожидая ответа, остановила ложку с манкой на полпути между тарелкой и раскрытым ртом обслюнявленного Антошки.

— Так он на бригаду из двадцати человек принес две бутылки по 0,75 литра! – Глеб не удержал заразительный смех. – Что там пить?!

— Ваш Иванов наверно трезвенник?

— Каким бы трезвенником он не был, а шахтные законы нужно уважать. Вот почему «бутылёк» называется «бутылёк»? Потому что «бутылек» это три литра! А на двадцать рыл и этого мало было бы!

— Да с вами шахтерами не соскучишься. Вы без своих «бутыльков» не можете, – Станислава наконец-то донесла ложку к губам сына.

— Я уже поел! – Степка оживленно подскочил со стула с пустой тарелкой в руках. – Мам, дай денег на воду, я в магазин сбегаю.

— Сейчас дам. Глеб поддержи Антошку.

Станислава встала из-за стола, передавая крохотного карапуза отцу. Сняв испачканный фартук, она поправила пояс широкого халата, висящего на худеньком теле, как на тремпеле. Глеб скользнул глазами по её заросшим ногам и остановился на красных носках в белый кружочек.

— Классные у меня носочки? Такие яркие! Правда?

— Ага, яркие, – Глеб продолжил кормить малыша манкой, стараясь не заморачиваться внешним видом супруги.

— Степка, ты чего? Обувай ботинки! На улице холодина, а он в мокрых мокалинах вздумал в магазин идти!

Станислава подняла с пола порванный пакет, раскрыла, и...

— Что это такое?

— Где?

На поднятый шум вышел и папа с Антошкой на руках.

— Что там?

— Степан, где второй ботинок?

Мальчик с виноватым лицом опустил глаза, чувствуя свою вину.

— Потерялся, наверно.

— Как он мог потеряться? Степан, вы опять пакетами дрались по дороге домой? – Станислава повысила голос, отчего Антошка испуганно заплакал.

— Гришка меня бил. Я только защищался, – ответил ребенок, продолжая стоять босиком.

— Балбес, – негромко произнес Глеб, возвращаясь с младшим сыном в кухню.

— В чем мне идти в магазин? – Стёпка жалобно посмотрел маме в глаза.

— Подожди. Почему ты не переобулся в школе?

— Забыл.

— Ты нёс домой два ботинка?

— Два.

— Где ты последний раз видел свои два ботинка? Или в каком месте ты был, когда порвался пакет?

— Возле поликлиники.

— Вот теперь иди и ищи свой второй ботинок. Я на прошлой неделе дважды купила тебе спортивный костюм. А сегодня ты первый раз обул ботинки. И что? Мне завтра идти покупать тебе новые?

— Дважды спортивный костюм? Я что-то пропустил?
— Глеб вновь появился в прихожей.

— Я не хотела тебе говорить, но у Степана украли новый ни разу не стиранный костюм. Мне пришлось купить еще один. Надо же в чем-то на физкультуру ходить.

— Замечательно. Значит, кто-то ходит в костюме Степана, купленном на мои деньги. Ты с учительницей разговаривала?

— А что толку от разговоров? Костюма нет. Вот теперь и второго ботинка нет. И денег у меня нет. А Степан то куртку порвет, то джинсы. А Антону на подгузники сколько денег уходит? А цены сейчас знаешь какие на базаре?

— Ладно, успокойся, иди Антошку докорми, а мы со Степаном уходим ботинок искать. За одно и водички ему бутылочку возьму. Кстати, а что в школьной столовой нельзя воды купить?

— Там только сок в пакетах продается, — ответил мальчик.

— Вытри слезы. Ты же мужчина, а мужчины не плачут, — Глеб подмигнул сыну, вручая Антошку маме.

— В кладовке его старые кроссовки возьми. Они хоть сухие, — Станислава напоследок укорительно посмотрела на своего школьника, и скрылась за шторой из деревянных бусин с малышом на руках.

По корявому тротуару, напоминающему лунную поверхность многочисленными впадинами, назойливый ветер носил опавшие листья. Они мелодично шуршали под ногами, неугомно перепрыгивая с места на место.

Мелкий снег ударялся тихонько об одежду Стёпки, оставляя белые точки на темно-синем шерстяном шарфе. В любой другой день мальчик порадовался бы первому снегу, если бы не чувствовал себя виноватым перед родителями. Он ведь уже третьеклассник, и понимал, что зимние вещи дороже летних, и что нужно быть аккуратным, внимательным, и бережно относиться не только к книгам, но и к одежде и обуви.

— Папа, – заревел Степка, дергая отца за руку. – Это Гришка. Смотри, – он указал пальцем в сторону старого каштана, раскинувшего свои ветви у окон приемного отделения скорой помощи.

Мелкий мальчишка в модных голубых джинсах с большими карманами и светлой куртке был ярким пятном на фоне непогоды. Его огромный портфель ритмично подсакивал в такт прыжкам ученика явно не спешащего домой.

— Он буцает твой ботинок что ли? – Возмутился Глеб, сворачивая с тротуара на поросшую травой пустынную часть аллеи.

— Да, – ответил Степка, вырываясь вперед. – Гришка, отдай мой ботинок! – закричал он во все горло.

— А ты меня догони! – смеясь, заявил Гришка, поднимая грязный ботинок и убегая прочь, не обращая ни малейшего внимания на приближающегося Глеба.

— А ну-ка стоять!

Глеб ловко схватил избалованного мальчугана, вырывая из его рук уже непригодный для дальнейшей носки порванный башмак. Поняв, что ботинок уже «своё отжил», разгневанный отец бросил его со злостью на землю.

— Как тебе не стыдно, портить чужие вещи? – сказал он, не отпуская Гришку.

— Мама! – заорал душераздирающим воплем тот, испугавшись быть наказанным отцом Стёпки.

А Стёпа тем временем поднял свой ботинок, роня горячие слезы на холодном ветру. Он розовыми ладошками обтер уличную грязь, и еще больше расстроился, когда обнаружил, что его новый ботинок выглядит как старый: порванный и потрескавшийся.

— Мама! – продолжал кричать Гришка.

— Что страшно стало, да? – Глеб все-таки разжал руку, осознавая, что не имеет права даже за ухо его потрепать. – Чтобы больше не смел и пальцем трогать Степку, иначе я тебе сделаю... (Глеб не договорил)

— Захочу и буду трогать! И ничего вы мне не сделаете! Напугали! – ехидно насмеялся Гришка, убегая.

— Вот воспитание. Тьфу, – сплюнул Глеб, поворачиваясь лицом к заплаканному сыну.

— Мама будет ругаться, – Степка все еще вертел в руках свою пропажу.

— Да ладно тебе. Не будет, вот увидишь, – ответил отец, присев на корточки. – Но с этим Гришкой не дружи. Уж лучше самому возвращаться из школы, чем в компании с этим ненормальным. Кстати, как его фамилия?

— Фешинов.

— А маму его как зовут? – с дивным интересом спросил Глеб.

— Я не знаю. Она медсестрой работает здесь в поликлинике, – Стёпа кивком головы указал в сторону.

— Ага, значит, медсестрой, – пробормотал невнятно отец, поднимаясь. – Пойду-ка я с ней побеседую, сынок. А ты возвращайся домой, и вытри слезы. Сколько можно плакать?

— Я уже не плачу.

— И выброси ботинок в мусорный бак, – Глеб указал на него взглядом.

— Выброшу, – ответил Степка еле слышно.

Взяв ботинок за длинные шнурки, он поволочил его по земле, опавшим листьям и по первому, но нерадостному снегу. Степка шел, опустив голову, ссутулившись и медленно передвигая маленькие ножки в стареньких легких кроссовках. Глеб через плечо еще раз проводил сына взглядом, жалея, что того постоянно обижают все кому не лень.

«Тук-тук-тук», не смотря на шум воды в кухонной раковине, звук разборчиво доносился из коридора. Станислава оставила досыта накормленного Антошку в коляске и поспешила открыть дверь.

— Привет! – энергичный голос соседки немного удивил захлопотанную девушку.

— А, это ты? Привет! Я думала мои мужчинки вернулись с ботинком.

— Можно к вам, – гостья переступила через порог. – С каким еще ботинком?

— Та, Степка, как всегда, отчебучил – ботинок потерял. Проходи, разувайся. (Станислава начала жаловаться на судьбу, ведя соседку в кухню)

— Дети! Что с них взять?! Я к тебе вот по какому делу, собственно говоря: можно воспользоваться вашим компьютером? Мне электронное письмо нужно отправить в телекомпанию, а у нас операционная система, как назло, слетела, – пояснила гостья. – Представляешь, компьютер не работает, и по телевизору ни на одном канале сигнала нет. Как люди жили раньше без этого всего?! И что меня больше всего огорчает: я то оплатила просмотр «семейного пакета» на полгода вперед. Услуга оплачена, а смотреть нечего.

— А позвонить в телекомпанию нельзя?

— А зачем деньги тратить лишний раз, если можно бесплатно им письмо написать?

— И то верно! Сейчас я только плаксу свою на руки возьму. Не может спокойно ни полежать, ни посидеть!

— Ох, карапуз! Белка ручная! Пойдешь к тетке? – она протянула ухоженные руки, блеснув золотыми кольцами и широким браслетом.

Антошка округлил голубые глазища, испуганно наблюдая за длинными согнутыми ногтями перламутрового цвета. Но все-таки потянулся навстречу, наверно из-за любопытства. Малыш, едва коснувшись чужой кофточки, расшитой бисером на груди, заулыбался, похлопывая ладошками по заинтересовавшим его блесткам.

— Ну, настоящий мужчина! Уже с детства баб щупает! – засмеялись обе.

— Пойдем, Лен, я включу тебе компьютер, будешь письмо писать, а мне еще посуду домыть надо.

— Ну, идем.

Станислава зашла на «mail.ru» и хотела было удалиться из зала, но Елена остановила её. На экране высветилась ссылка на статью, заглавие которой и привлекло внимание любительницы яркого макияжа в модной кофточке.

— Стой! Как соблазнить мужчину взмахом ресниц?! Давай прочитаем, – она перешла по ссылке. – О, здесь и видео есть для непонятливых!

— Ой, Ленка, оно тебе надо? Ты что глаза красить не умеешь? – но Станислава все же посадила малыша на стол и сама облокотилась, рассматривая красивые картинки с изображениями мастерски накрашенных глаз.

— Да ты глянь, какая прелесть! Я тоже так хочу!

— Ого, сколько разных кисточек?! И это все чтобы только глаза накрашивать?

— А ты как думала?! Давай видео посмотрим.

Елена навела курсор мышки на серый треугольник, и молоденькая брюнетка с идеально ровным цветом лица начала онлайн-урок вечернего макияжа.

— Вау! 1,2,3... У неё девять кисточек. А у меня только две, и те одинаковые – с куполообразной поролоновой подушечкой.

— Деревня ты, Станислава. Хотя и я далеко не ушла. Смотри, как она легко наносит тени.

— Это можно сделать и одной кисточкой.

— Нет, для такого изысканного макияжа одной кисточки, да еще и с поролоновым наконечником, будет мало, – возразила Елена. Для растушевки нужна специальная кисточка!

— Выходит дело только в профессиональной кисточке? – Станислава не успевала следить за быстрыми движениями красавицы из монитора. – Я бы сама так не смогла.

— Здесь, как и в любом другом деле, опыт нужен. И сама кисточка, и качество теней, карандашей, подводок, туши – имеют большое значение. Вот ты, Станислава, последнее время совсем перестала за собой следить. Почему даже голову не помыла? Я об укладке феном на круглую расческу уже молчу, – Елена отвлеклась от ролика с мастер-классом, рассматривая подругу в красных носках от макушки и до пят.

— Некогда было ни вчера вечером, ни сегодня днем. Замоталась я.

— Так, марш в ванную. Приведи свой внешний вид в порядок. Умыться не забудь. И халат смени, – Елена оттянула подол, указывая на круги от чего-то жирного.

Станислава хотела было возразить, но подруга решительно дала ей понять, что «женщина всегда должна оставаться женщиной». И пока в ванной шумела вода,

Елена с Антошкой продолжали рассматривать варианты восточных макияжей. А как только картинки на страничке закончились, в дверь постучали.

— Иду, иду, – с намотанным на голове полотенцем Станислава открыла дверь. – Стёпка! А папа где?

— Он пошел разговаривать с Гришкиной мамой, – ответил мальчик, расстегивая молнию на куртке. – Ой. У меня замочек отвалился, – он протянул его маме.

— Стёпка, ты Стёпка, с тобой одни неприятности, – Станислава помогла сыну раздеться и повесила его вещи на крючок металлической стойки для одежды. – Ботинок не нашли?

— Нашли, только он порванный, и я выбросил его в мусор. А у нас, что опять тетя Лена?

— Да, чудо моё. А ты иди вымой руки и садись делать уроки, я потом проверю. Завтра тебе в школу, и придется идти в кроссовках, Маша-растеряша, – тяжело вздохнула опечаленная мама, думая «хоть бы мороз еще больше не стукнул».

— Извини, – Стёпка опустил голову.

— Ладно, проехали. Но в следующий раз будь внимательнее, аккуратнее. Я же не могу каждый день на тебя тратить по 200 гривен.

— Я постараюсь, – мальчик обнял маму, прижавшись лицом к животу.

— Договорились, а теперь уроки! А мне еще молнию нужно будет починить, если получится. А если нет, придется нести в мастерскую.

Написав письмо в две строчки и отправив адресату, Елена помогла подруге высушить волосы феном. Даже без разрекламированных средств для увеличения объема, прическа получилась пышной. У Станиславы были

нормальные волосы, вот только она редко предоставляла окружающим возможность увидеть это.

— Стаська, тебе срочно нужно перекраситься. Как купишь краску, зови меня. Я сделаю из тебя конфетку!

— Не до краски мне, Лен. Завтра надо ботинки своему школьнику купить, зима ведь не за горами. Вон, какой снег повалил, а Степке обуть нечего. Да и зачем красить волосы? Зимой под шапкой все равно не видно.

— Здравсти, моя радость! А перед Глебом ты тоже в шапке ходишь? Мужики любят глазами. Глазами! А что твой Глеб видит? Неухоженную домохозяйку?

Антошка, сидя на диване, перестал кусать резиновую мышку. Вся распашонка была мокрая от обильного слюноотделения. У него резались зубки, и ему не терпелось их обо что-то почесать. Но, заметив некое волнение, исходящее от мамы, он остановился. Малыш словно ожидал, что же она ответит.

— Глеб любит меня такой, какая я есть. И мне не нужно стараться сделать себя привлекательнее. Главное красивый внутренний мир, душа человека, умение быть хозяйкой, в конце концов, а не фальшивая, но красивая оболочка.

Станислава немного разозлилась. Но, сдерживая эмоции, все-таки попыталась сделать вид, что слова подруги её не очень-то и волнуют. А где-то глубоко как будто что-то ёкнуло. Обида от прямолинейности или жалость к себе самой? – она и сама не понимала.

— Ох, Стаська! А давай я тебе глаза накрашу красиво?! И увидишь, каким взглядом одарит тебя муженек! А если ты еще и халат этот снимешь, сменив его хотя бы на бриджи и топик, так будет вообще здорово!

Елена могла уговорить кого угодно. Она была открытой и доброжелательной натурой, и эти качества больше всего в ней нравились Станиславе. Но порой

надмерная правдивость с уст подруги звучала, как смертельный приговор. И опасаясь намеков на то, что Глеб может заинтересоваться другой, Станислава разрешила испробовать на себе самый экстравагантный арабский макияж.

— И это все, что у тебя есть из косметики? Зая, разве можно так себя не любить, что даже не позволить себе купить нормальную помаду? У этой срок годности истек в прошлом году.

— А мне нравится, как она смотрится на губах. Ты кстати глаза собиралась мне накрасить, а не губы. Так что оставь в покое мою помаду. Отдай, — и Станислава потянулась рукой, чтобы положить помаду на место в косметичку.

— О Боже, здесь еще и спичка! Какая же ты экономная, а я и не знала, что все настолько запущено. Выброси её в мусор, и купи новую! — Елена отложила затертый тюбик с остатками помады в сторону.

— У меня еще блеск для губ есть, и карандаш почти новенький. Мне его мама подарила в прошлом году на 8 марта!

— А карандаш хороший. О! И теней у тебя две коробочки! Как раз и цвета яркие есть. Только кисточки нормальной нет.

— Какая есть, такой и крась.

— Ну что же, приступим!

Первым делом она попыталась нанести на внутренний уголок верхнего века подруги серые тени. Они осыпались, оставляя блестящие точки, но это не останавливало напористую Елену, желающую и потренироваться с новым видом макияжа глаз, и за одно повлиять на подругу, приобщив её к ежедневному уходу за лицом. К внешнему веку она нанесла темные фиолетовые тени, а посередине яркие зеленые, отливающие металлическим блеском. По

контуру нижних век жирной полоской провела голубую подводку, и наредила ресницы полусухой от старости тушью. Но то ли из-за отсутствия специальных кисточек, то ли из-за неудачного подбора цветов или даже фирмы производителя самой косметики – макияж оказался жалким подобием того, что было на картинках.

— Всё? Можно в зеркало глянуть?

— Подожди, надо припудрить носик и губки подрисовать для полной картины.

Тук, тук, тук-тук, тук.

— Это Глеб, – вскочила Станислава. – Губки красить уже некогда.

Елена все еще смотрела на плоды своих стараний, размышляя «что же я сделала не так».

— Ну, я пойду. Засиделась я у тебя. Мои там уже наверно заждались. И не забудь о халате, – она подмигнула, поправляя большую грудь, спрятанную за красивой кофточкой.

— О, Господи, что ты со мной сделала? Я похожа на тропического попугая, – ужаснулась Станислава своему отражению в зеркале.

— Ничего подобного. Если тебе еще цвет лица выровнять, щеки нарумянить, губы нарисовать, прическу сделать и одеться подобающе – было бы чудесно! А если набор кисточек купить, так ты была бы краше моделей с глянцевого журнала, – ответила Елена, обуваясь у порога, в то время как Станислава открывала дверь.

— А что это с твоими глазами? Что за боевой раскрас свирепой амазонки? – сходу возмутился муж, лишь искоса взглянув на спешащую домой гостью.

— Я сейчас умоюсь, – Станислава безрадостно наблюдала за реакцией Глеба.

— Я убегаю. Всё. Пока, – и за подругой захлопнулась дверь.

— Пока.

— Тебе такой вульгарный макияж не к лицу. Солнышко, ты же не уличная девка, – он повесил куртку, и поток воздуха с тонким запахом женских духов рассеялся в коридоре.

— Ты с мамой Гришки разговаривал или обнимался? Почему от тебя пахнет духами?

— Духами?! – Глеб переспросил, усмехаясь. – Даже не знаю. Может, Танька вылила на себя целый флакон!

— Танька?!

— Фешинова – медсестра наша, Танька, – невозмутимо продолжил Глеб, – она мне все уши прожужжала, жалуясь на своего «розбышаку».

— Ах, ну да, конечно! И ты бедный больше часа выслушивал её жалобы?

— Ну, в самом то деле, ты что ревнуешь? Подумаешь, поговорили. Что у нас общих тем для разговоров нет? Тем более это её Гришка нашего Стёпку постоянно обижает. Вот и мы и обсудили поведение наших детей.

Глеб больше ничего не сказал. А Станислава с ворохом неприятных мыслей в голове пошла смывать с себя косметику.

... На газовой плитке стояли кастрюли со свежим борщом, тушеной картошкой, гуляшом из молодой свинины. Ароматно пахло чесноком, паприкой и другими специями. В квартире было чисто.

Справившись с домашними заботами, Станислава ожидала возвращения Стёпки из школы, но Глеб пришел раньше. С порога бросил недовольный взгляд и, не снимая куртки, прошел мимо.

— Привет, а что случилось? – она последовала за ним в ванную комнату.

— Я тут подумал, – Глеб повернулся лицом к жене, – я уйду.

— Куда? Во вторую смену? Сразу после первой?

— Нет. Я уйду отсюда.

— В смысле?

— Надоел мне этот дурдом уже: детский плач, твои занятия со Степкой то украинским, то английским. Я хочу покоя. И обеды твои мне приелись, и иллюзия образцового порядка достала, и ты... в своем грязном халате. А раньше от тебя пахло французскими духами.

— В грязном халате? Он чистый... И ты решил бросить меня одну с двумя детьми? – Станислава вызывающе смотрела в его глаза, все еще отказываясь верить, что муж на самом деле собирается уйти.

— Ты будешь получать законные алименты: 1/3 моей зарплаты, а пока Антошке 3 года не исполнится – даже больше. Да и ты неплохое пособие ежемесячно получаешь. Голодать не доведется. А там глядишь, и на работу выйдешь... – Глеб отвернулся и стал рассматривать стиральную машинку. – Я её заберу. Надеюсь, ты не станешь возражать?

— Стану, – Станислава была ошеломлена словами мужа. – У меня двое маленьких детей, и стирки постоянно много. Как будто ты не знаешь? А тебе зачем стиральная машинка? У свекрови же есть.

— Ха, а ты решила, что я к родителям переезжать собрался? Нет. Меня ждут в другом доме. И как раз там это пригодится.

— Какая же ты скотина, – закричала Станислава, еле сдерживая слезы.

— Микроволновку и компьютер я тоже заберу. Тебе ведь все равно не надо. И, пожалуйста, собери мои вещи, чтобы я быстрее мог вызвать такси и уехать от вас.

— Тебе надо, ты и собирай.

Заплакал Антошка, и Станислава поспешила к нему, оставив мужа отсоединяющим стиральную машинку от магистрали холодной воды. Малыш, увидев маму, успокоился и протянул пышные речонки. А вот Станислава никак не могла прийти в себя. Она нервничала, чувствуя себя преданной и обиженной. Сменив сыну мокрые ползунки и распашонку, постелив сухую пеленку, Станислава бросила мокрое белье в прямо угол рядом с детской кроваткой. Видеть Глеба, собирающимся уезжать, она не хотела.

Голубоглазый Антошка не понимал печали матери. Он совал в рот розовые ладошки, чесал распухшие десны, и слюни капали на чистую кофточку почти также интенсивно, как и горькие слезы отвергнутой женщины.

«Я вышла за него замуж, родила двоих детей, превратилась в примерную домохозяйку, пожертвовав своей красотой. А он? Променил меня на другую. Ради чего я старалась? Чтобы ему было хорошо со мной, уютно. Целыми днями вертелась на кухне: жарила, варила, крошила салаты. Неблагодарный. Я ведь угождала ему во всем. Хочешь блинчиков – пожалуйста; чебуреков, сырников – будет сделано; поджарку из говядины или фаршированную рыбу – все сделаю, лишь был мной доволен. А в итоге? Он не оценил моих стараний. Надо было, наверно, валяться на диване с глянцевым журналом в руках, и тратить деньги не на благоустройство квартиры, а на салоны красоты. Может, тогда он не попрекал бы меня «грязным» халатом. А дети? Как я теперь одна буду их воспитывать?..»

Глеб ушел, демонстративно бросив ключи на стол. Он даже не попрощался с Антошкой, не дождался возвращения Стёпки из школы, лишь посмотрел с призрением и молча развернулся, чтобы захлопнуть за собой дверь.

— Ну и катись к чертовой матери, — заплакала Станислава, наспех расстегивая пуговицы. — Проживем и без тебя.

Она скинула заношенный халат на пол, присела над ним и стала рвать по швам на куски. Трещали нитки, а в голове пульсировали слова «грязный халат». Всю свою злость Станислава вылила на бездушную и невинную тряпку, считая её причиной своего несчастья. Изумленные глаза ребенка наблюдали за странной картиной. Малыш еще никогда не видел свою маму такой... Одним халатом она не ограничилась. Дошла очередь и до других выцветших одежд десятилетней давности. Распахнув шифоньер, Станислава все смела вниз: и свитера, и кофты школьных лет, юбки, брюки, и даже единственное в своем гардеробе черное платье, которое одевала лишь по особым случаям. Все вещи ждала одна участь — быть разорванными в клочья.

— Никакого старья! — истерически смеялась Станислава, подбрасывая в воздух ворох тряпья. — Я куплю себе современный наряд, сапоги на высоком каблуке, набор кисточек для макияжа, и ты меня даже не узнаешь при встрече. А мы еще обязательно встретимся, — сказала она, глядя на свадебную фотографию.

На фото застыли счастливые улыбки молодоженов. Дрожащей рукой Станислава взяла стеклянную рамку с тумбочки и, не раздумывая, ударила её о пол. Стекла разлетелись в разные стороны, оставив снимок лежать среди осколков. Подняв его и разорвав напополам,

Станислава долго не решалась измельчить его на маленькие фрагменты. Но все-таки она это сделала.

— Отныне ты только отец моих детей.

Монолог Станиславы перебил стук в дверь. В длинной мужской футболке и черных колготках она впустила домой вернувшегося с занятий школьника.

— Мам, сегодня Гришка забрал у меня пирожок, – жаловался сын, расшнуровывая старые кроссовки.

— Стёпка, сегодня папа бросил нас, – Станислава обняла его и снова заплакала.

— Как? Разве папа не на работе?

— Уже нет. Он забрал свои вещи, стиральную машинку, микроволновую печь, наш компьютер, и ...

— Значит, Гришка не обманул меня. Он говорил, что мой папа скоро станет его.

— Что?

— Папа влюбился в тетку Таньку – медсестру из нашей поликлиники. А Гришка сейчас, наверно, играет в мои компьютерные игры, и мой папа покупает ему конфеты, а не мне. Гришка забрал у меня все. Мама, где справедливость?

© Денисенко Кристина, 2012

Л и т е р а т у р н о - х у д о ж е с т в е н н о е и з д а н и е

ДЕНИСЕНКО КРИСТИНА ВИКТОРОВНА

ВЕСЕННЕЙ ОСЕНЬЮ ИЗ ЛЕТА

(на русском языке)

П о э з и я и п р о з а

В авторской редакции

Подписано в печать 10.11.2012.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Печать лазерная. Условн.печ.л. 6,62. Уч.-изд. л. 7,53.

Тираж 500 экз. Изд. №739. Зак. №731.

Издательство «НОУЛИДЖ»

Свидетельство о регистрации серия ДК №2884 от 26.06.2007

91051, г. Луганск, кв. Якира, 3/316,

тел./факс (050)475-35-13, e-mail: nickvnu@gmail.com

Отпечатано в типографии

ООО «Цифровая типография»

83121, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 291а

Літературно - художнє видання

ДЕНИСЕНКО ХРИСТИНА ВІКТОРІВНА

ВЕСНЯНОЮ ОСІННЮ ІЗ ЛІТА

(російською мовою)

Поезія та проза

В авторській редакції

Підписано до друку 10.11.2012.
Формат 60x84/16. Папір офсетний. Гарнітура Times.
Друк лазерний. Условн.печ.л. 6,62. Уч.-вид. л. 7,53.
Тираж 500 прим. Вид. № 739.. Зак. № 731.

Видавництво «НОУЛІДЖ»

Свідоцтво про реєстрацію серія ДК № 2884 від 26.06.2007
91051, м. Луганськ, кв. Якіра, 3/316,
. тел / факс (050)475-35-13, e-mail: nickvnu@gmail.com

Надруковано у типографії
ТОВ "Цифрова типографія"
83121, м. Донецьк, вул. Челюскинцев, 291а